

Баалу

**Пять миллиардов
«люблю!»**

**Том 1
Псалмы небесам**

Глава 1.06. Пять тысяч лет войны

Птички, ссорящиеся возле гнезда. До хрипоты о чём-то, что важнее жизни. Нам со стороны кажется, нет на свете места спокойнее их дупла, и чего ещё нужно? Быть может, пройдёт немного времени и им тоже покажется, что дело не стоило ссоры? Мимоходом: а дуб во многих языках называется Честным

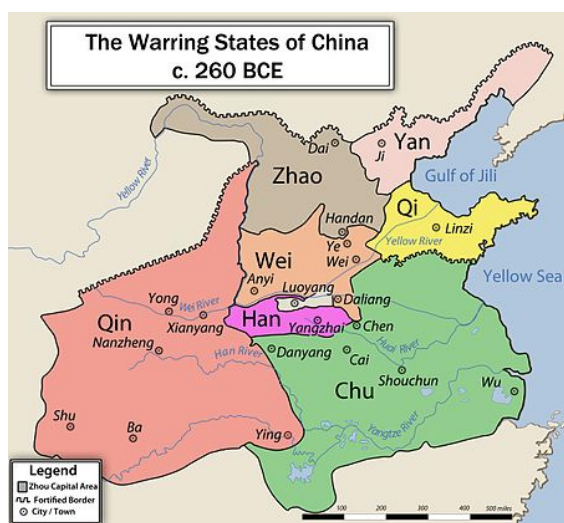
Всё так и вышло. Не сумев вбить клин в семью, Аану перешёл к открытым и полномасштабным военным действиям. С 475 по 221 до н.э., почти 250 лет длилась эра Сражающихся царств – время, когда четыре провинции, основанные мною с Хуаном Ди, были оторваны от Поднебесной. Четыре провинции, область тоталитарных порядков стали бичом края и плацдармом нестихающей агрессии. На нас пёрли наши же люди, загипнотизированные, неменяемые. Когда гипноз спадал, они не понимали, как им жить дальше после того, что они сделали, ведь мы же все свои. Они восставали против Аану, он без пощады истреблял непокорных. Вновь Аану навёл на них гипноз – вновь маниакальная, вседозволенная война. И чем нам было на неё ответить? Увещевать? Они не слышат. Не отвечать? Перебьют всех до младенца. Убивать? Но они же свои, они вернутся в разум. Мы отступали, мы теряли огромные пространства и экономический потенциал, мы отдавали под власть Аану всё больше людей потому, что не могли убивать своих. На той стороне они голодали и терпели нечеловеческую эксплуатацию и унижение. Ради чего отдавали? Чтобы Аану свободнее тратил человеческий потенциал, зная, что получит ещё? И сколько ещё нужно отдать, чтобы он остановился?

Война шла на тот момент уже две с половиной тысячи лет, но то, что мы получили теперь, затмило все предыдущие беды. Мы потеряли столько, что когда принялись убивать всерьёз, силы были ещё сравнимы, но перевес уже был ощутимо на той стороне. Нам пришлось убивать, пока ещё не всех наших истребили. Пока ещё было кому сражаться. Пока ещё остались старики и женщины, способные воспитать осиротевших детей и обиходить искалеченных войной, которых становилось всё больше.

Map created for Gumilevica - A. Rodionov

Цинь, Цзинь, Янь и Ци – четыре области, вырванных из Поднебесной – сомкнулись и отделили её от основного массива Орианы и от конфедерации хунну. Неправильно было бы смотреть на этот клин как на разделение земледельческой и животноводческой Орианы, как это принято в литературе. Этот клин грозил Поднебесной крупными геополитическими осложнениями и требовал немедленного возвращения областей. Поэтому было принято решение ответить войной на войну.

представляют Аану и всех его ведомых идеальными правителями идеальной системы и абсолютными победителями над нами, хлюпиками. По летописям, их сторона никогда не терпела поражений, а только и делала, что теснила нас, неправедных. Его летописи крепко обоснованы публикациями, которых читателю не добыть, и требуют большой осторожности в том, что они, подобно Геродоту, Ксенофону, Плутарху и многим другим авторам, которых вёл Аану, пересыпают реальные события байками, извращающими и личности действующих лиц, и общественные отношения. Здесь усунь, сяньби и енисейские кыргызы (динлины) – народы-братья хунну – выдвинуты на такую же роль, как Спарта в Пелопоннесском союзе – роль предателей, а хунну выставлены поработителями; и здесь это такая же неправда, как о Спарте и балканских отношениях. И по той же причине: эти народы были самыми способными к точным наукам и более других устремлёнными к Знанию, они были из тех, кому нужно дойти до сути.

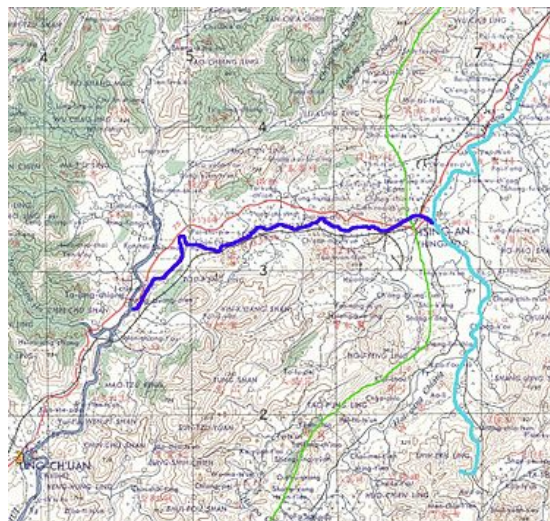

[Сражающиеся царства](#) в 260 году до н.э. Династию Хань вёл Аану, в окрестных землях он рассадил на княжение своих детей и тем расширил владения. Справа защитные [стены](#) между царствами, снесённые по приказу Ши Хуанди в знак единения, и единая Великая Китайская стена императора Хуанди, восстановленная Аану после захвата Поднебесной

Династия Чжоу была истреблена. В конце третьего – начале второго века сильнейшим в Поднебесной царством было царство семьи Цинь. Эта семья приняла с честью свою миссию – стать нашими ведомыми, возглавить битву за воссоединение Поднебесной и стать такой же мишенью врага, как стала семья Чжоу. Это принимали сознательно и с готовностью, как честь послужить своему народу. Цинь Инь Чжень (259–210 до н.э., тронное имя Цинь Ши Хуан, в русскоязычной литературе Цинь Шихуанди, правил Цинь с 246 и империей с 221) принял царство от погибшего отца в 246 году до н.э., 13-летним, он очень хорошо меня понимал и мы вместе многое смогли. Я позаботился о том, чтобы у него была сильная команда во главе с премьер-министром Люй Бувэем.

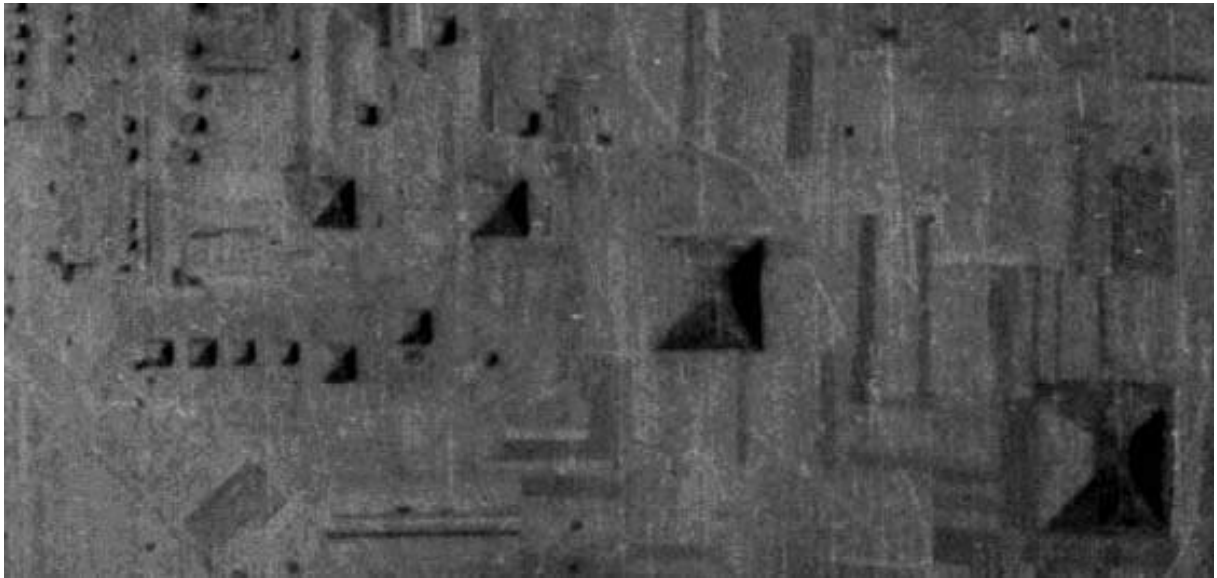
Как и многих моих ведомых, Инь Чжэня прозвали ураганом за вездесущность. Отец Инь Чжэня отвоевал у Аану царство Хань. Чтобы закрепить его за собой и эффективнее навести порядок в разорённой стране, столицу Сины перенесли во вторую столицу Анны Саньян. Немедленно в новой столице началось послевоенное восстановление и строительство дворца Эпан к югу от реки Вэйхэ – очень большого дома Знания. Тысяча учёных Сины и дельных людей Хань сразу начали работать в тех помещениях, какие были, открыли школы, в которых работали равно мужчины и женщины, скрипторий (издательство, где переписывали книги) а люди стали присылать книги для общественной библиотеки и экспонаты для музея – предметы старины, красоты, мудрости, достижений – всё то, что составляет славу нации, – такие общие дела поднимают патриотический дух лучше любых агитаций.

Сразу же инженер Чжэн Го начал строительство ирригационного канала длиной 150 км в современной провинции Шэньси. Канал соединил реки Цзинхэ и Лохэ, создал лёгкий торговый путь и оросил 264,4 тысячи гектаров пахотной земли. Это дало многим людям рабочие места, а стране – экономический подъём, отразившийся на благосостоянии каждой семьи. Люди были полны энтузиазма к новой власти, всё кипело созидательным трудом.

Ирригационные каналы [Чжэн Го](#) и канал [Линцзюй](#): «Канал Линцзюй... длиной 36 км был построен на территории современного района Гуанси около города Гуилинь. Канал соединяет приток Янцзы реку Сянцзян с рекой Ли, которая втекает в Гуйцзян бассейна Сицзян, позволяя охватить речным транспортом огромные территории южного Китая. Строительство было начато в 214 году до н. э.»

В числе первых мер я всегда провожу упорядочение дорог и метрологическую реформу. Единая система мер и стандартизованные размеры, например, крепежа или осей колесниц дают взаимозаменяемость деталей. Даю столько технических новшеств, сколько способны принять к реализации простые люди. Оружие, отобранное у побеждённых, никуда не годилось и пошло в переплавку. Бронзу я отдал своим скульпторам для украшения города. Здесь пришлось также провести унификацию написания иероглифов, ибо по принципу «разделяй и властвуй» Аану на подвластных ему территориях всегда проводил реформу письменности, отменяя наше наукоёмкое шрифтовое письмо и вводя сначала иероглифы, затем понижая уровень до пиктограмм. В каждом его царстве было теперь своё начертание, и чтобы объединить страну, требовалось убрать не только государственные или административные границы и через единую денежную единицу объединить финансовую систему (с моим извечным принципом беспроцентных банковских ссуд – он до сих пор действует в арабском мире), но и снять «языковые» барьеры. К шрифтовому письму уже не возвращая, а пользуясь тем, что сложилось и понятно людям. Ведь и до сих пор весь Восток Азии говорит единым языком и устно разные народы понимают друг друга, а разнятся только системы написания иероглифов. Китай до сих пор пользуется той письменностью, которую ввёл тогда Цинь Ши Хуан.

Пирамиды [Китая](#) со спутника, с самолёта, с гор, с вершины одной из них, с земли. И самые древние, и построенные во время династии Ся были скрыты по приказу Аану – борца со Знанием на всей подвластной ему территории. Поэтому на отвоеванных землях Цинь Ши Хуан предпринял новое большое строительство. «Когда [Шродер](#) спросил Богдыхана о возрасте пирамид, тот сказал, что им больше пяти тысяч лет. На вопрос, почему он так считает, Богдыхан ответил: "В наших старейших книгах, написанных пять тысяч лет назад, эти пирамиды упоминаются как древние". ... План расположения китайских пирамид очень напоминает египетский. Это наводит на мысль, что к их сооружению приложили руку те же древние строители, принадлежавшие одной цивилизации»

Сразу же Ши Хуан начал строительство зеркала небес созвездия Дракон – сети новых пирамид взамен полностью разрушенных Аану. Пирамиды, показанные на снимках – это не те древние, о которых известно из китайских мифов, все они построены при Ши Хуане. Так же, как и в Египте, их строительство не требовало от государства больших затрат, в них вложен труд добровольцев. До недавнего времени миру не было широко известно о том, что в Китае тоже немало пирамид. Тем не менее там существует по крайней мере пять комплексов:

- Мавзолей Маолинг императора У-ди (Wudi);
- У-ди в окрестности города Сиань;
- Пирамида Внутренней Монголии в Sijiazhi;
- Janggun-chong (Jiangjun-zhong) – Ступенчатая пирамида в провинции Цзилинь;
- Пирамиды-курганы в Цзыбо (провинция Шаньдун);
- Мавзолей Цинь Ши Хуана.

Люди очень понимали, что у пирамид, их легендарного труда есть враг, поэтому последующие поколения, когда Китай был снова завоёван Аану, дали обрасти пирамидам и превратиться как бы в природные холмы, а властям отвечали – это что-то очень древнее, не знаем, что. Их берегут негласно, и от археологических раскопок тоже, ведь кроме людей, для которых это свято, есть и бесцеремонные археологи, поэтому власти стараются избегать шума и нашествия журналистов. Они не разобраны на стройматериал и только одна, меньшая, раскопана археологами. Более того, когда один американский лётчик во время второй мировой войны обнаружил их с воздуха, некоторые из них засадили быстрорастущими елями, чтобы сверху выглядели как природные холмы. Только в 1994 году двум европейцам удалось получить разрешение и побывать у пирамид. Оценка военного ведомства США по снимкам, что длина основания составляет 500 м, а высота до 300 м, не подтвердилась. Их высота колеблется сегодня от 25 до 100 метров, а вершина зачастую

плоская, потому что в таких телескопах-шахтах, как в Гизе, нужды больше не было, пирамиды нужны были больше для того, чтобы привить людям культ Знания понятным им способом. Наверху, на площадке, стояли вполне компактные телескопы. А внутри, конечно, были помещения для исследований... которые нам не суждено было вести. Раскопки с очевидностью ведутся и берегутся от суетности западного ученого мира, от назойливого любопытства журналистов и от чёрных археологов. Что ж, хоть мир и узнает результаты гораздо позже (о них старательно молчат), зато можем быть спокойны, в Китае раскопки ведут профессионалы. Это гораздо лучше, чем добровольцы в Боснии, студенты в Луганске, мистики в Крыму.

Собранный, как стрела на тетиве, молодой царь жил в седле. Мы мотались с места на место, всё инспектируя, решая все проблемы сразу, изыскивая средства, которых конечно всегда не хватает в стране с накопившимися нуждами и так широко развернувшимся строительством. Больше всех других ресурсов не хватало времени, ибо мы сознавали, времени у нас ровно столько, сколько потребуется Аану, чтобы сформировать новую армию. Затем он подавит людей гипнозом и бросит на нас новые орды. И не питали иллюзий касательно того, что Шихуан – бегущая мишень. Покушения следовали одно за другим, поэтому задач было две: как можно быстрее и крепче поставить экономику, Знание, культуру Сины и сплести царства в единую структуру, и второе – тут уже инициатива была полностью моей – неподалёку от нынешнего Сианя я немедленно строил мемориал героическому императору. Это одна из пирамид, внутри которой не лаборатории, а музей Сины, какой она была. Огромная облицованная пирамида как символ государственного устройства. Внутри пирамиды зал – карта Китая с рельефом и ртутными реками Хуанхэ и Янцзы, потолок расписан звёздами, с колонн свисают свитки с историей Китая, в глубине саркофаг, куда впоследствии положили мумию Шихуана. То было послание в будущее о том, какой была страна при нём и каким был он сам – ни слова о себе, но мемориал расскажет о величии помыслов и дел. Гробницу императора охраняла знаменитая терракотовая армия – 700 скульптур воинов вновь объединённой, многонациональной армии Китая. Обновлённая армия обновлённой страны, сплочённой вокруг своего поводыря, и каждая скульптура персонифицирована – это конкретные люди, сподвижники, запечатлённые для потомков. По свидетельству Сыма Цяня, к созданию мавзолея было привлечено 700 тысяч рабочих и ремесленников. Периметр внешней стены захоронения был равен 6 км.

То, что сейчас называется мавзолеем Цинь Ши Хуана, было мемориалом – попыткой обречённого творца передать будущим поколениям, какой была при нём Поднебесная, какими были её люди, во что верили, какими технологиями располагали. Кадр из фильма «Первый император Китая» (The First Emperor)

Этот проект ему конечно не дано было завершить. При по крайней мере четвёртом покушении император был отравлен рыбой и ртуть в ней была обнаружена. Из необходимости отвести от себя прямые обвинения вышел весь тот вздор, который Аану повелел вписать в хроники династии Цинь – состоявшей из одного правления, этот расцвет был смят сразу. Ответственность за скоропостижную гибель 49-летнего императора хроники переложили на маниакальные поиски Ши Хуаном «эликсира бессмертия», на его «навязчивые сны», в которых он порывался убить большую рыбу, на самообожествление, которое быстро свело с ума давно ненормального императора.

Аану взвалил на Ши Хуана все обвинения, какие только смог придумать. Что якобы его полководец велел закопать в землю живыми 400 000 солдат противника – не говоря о том, что у нас подобное не практиковалось, таких армий ещё не было в то время даже у всей Поднебесной. Что якобы император не пожелал жить в центральном столичном дворце Сяньяне, а начал строить огромный новый дворец, на строительство было согнано несколько сот тысяч человек, во дворце хранились неисчислимые драгоценности и там размещалось множество наложниц. Действительно не пожелал – дворец в Сан-Анне был построен на вершине старой высокой пирамиды, под небесами, придворные были разделены на множество уровней иерархии, кто на которую ступень имеет право входа, Аану был недоступен почти никому, дворец его утопал в роскоши и годился для сложных церемоний. Мы строили общедоступный дом Знаний и сами жили в нём в окружении учёных, художников, технологов, учителей, с библиотекой под рукой, потому что император – первый в стране работник, заботник, первосвященник и мудрец, он умеет мыслить более концентрированно и трудиться более эффективно, но он труженик и меры безопасности не исключают того, что он доступный человек.

Это версия во прикрытие убийства, переворота и захвата власти, организованных Аану; он описал в хрониках эту бойню как внутриворцовый заговор и возложил вину на ближайших сановников, а дети Ши Хуана якобы не были убиты, а почётно покончили с собой. Остальные члены семьи и приближённые императора якобы перерезали друг друга в дележе наследства, вот почему в 206 году всё его семейство было истреблено. Аану приказал вписать в биографию Ши Хуана распоряжение сжечь все книги, кроме сельскохозяйственных, медицинских и гадательных, приписал ему расправу над конфуцианцами – всё то, что сделал сам и за что не хотел отвечать перед веками. Приписал резкое недовольство народа, поднявшего восстание.

Многое из его биографии, написанной Аану, недостойно пересказа, хотя бросает тень не на Ши Хуана, но на его биографа – он перестарался, заливая всё грязью. Возражать было некому – все, узнавшие целесообразную деятельную жизнь под рукой Ши Хуана, подлежали максимальному уничтожению, страна пылала, в ней лились реки крови.

Сподвижники Ши Хуана действительно скрывали от народа гибель императора, сколько могли, отвечали вместо него на письма и вели дела. Они выгадывали время, чтобы успеть забальзамировать тело и спасти то, что можно вывезти и спрятать, ибо знали, что сейчас погибнет всё в шквале, мало уступающем природной катастрофе. Все перечисленные в хрониках люди Ши Хуана были убиты немедленно, едва стало известно о кончине Шихуанди, но не мятежниками, а заговорщиками. Дом Знаний был сожжён, но ценности были в основном вывезены и так и не достались Аану. Во прикрытие этого весь Саньян был разграблен и снесён, а его жители уничтожены полностью. Восстания действительно вспыхнули по всей стране, но не против Ши Хуана, а против Аану.

Соперники в многолетней войне за свержение правящей династии Цинь и установление своей власти [Сян Юй](#) (на сайте неверно указано, будто это Цинь Шихуанди – это его убийца) и [Лю Бан](#), в итоге убийца обоих и основатель династии Хань; обоих вёл Аану. «В молодости он считался «бесполезным мальчишкой», потому что он, как правило, играл и прогуливал всё время, и казалось, не имел никаких амбиций. Позже [Лю Бан](#) стал свидетелем великолепной перевозки императора Цинь Ши Хуана, которая восхитила его до глубины души. Он решил, что наверно необходимо быть настоящим мужчиной, чтобы быть достойным подобного шика. С тех пор Лю начал показывать свою особую личную силу. В 202 г. до н.э. Лю Бан основал династию Хань со столицей Чанъань (Сиань)», взяв тронное имя Гао Цзу. Цитата из китайского источника показывает, что Лю Бан ничего собой не представлял ни по общественному положению, ни по дарованиям. Он был только удобным инструментом, полностью подвластным Аану. Его времени приписывают такие достижения, как появление ткацкого станка, гидравлических систем, усовершенствование металлургии, начало производства бумаги, возникновение хирургии и анестезии, однако это было сделано нами в Поднебесной задолго до времени Хань. Оба [портрета](#) моей работы

И борьба за власть тоже действительно была, только не между вырезанными родственниками и сподвижниками Ши Хуана, а между заговорщиками и пособниками Аану Пэй Гуном (тронное имя Ли Бан) и Сян Юем, который работал на Пэй Гуна, но с тем, чтобы в последний момент убить его и захватить власть, однако Пэй Гун взял власть его руками и убил его. Восстания не собрали – люди были бесконечно преданы Ши Хуану. Убивали, крушили, жгли библиотеки загипнотизированные погромщики Аану. Хроники Аану вещают о небывалом расцвете и присваивают технологические и дипломатические достижения предшествующих династий, в том числе Шёлковый путь, существовавший задолго до правления Хань. Культ Знания был искоренён. Вместо него, наряду с конфуцианством, не имевшим отношения к учению Лао Цзы, на котором конфуцианство паразитировало, был навязан так называемый буддизм, не имевший отношения к учению собственно Гаутамы Будды (обоих, Лао и Будду вёл я). Развитие остановилось на две тысячи лет. От Поднебесной осталось одно название.

Ныне в хрониках история Китая насчитывает только две тысячи лет его владычества. Из всего, что было до него, важен только перечень династий, которые якобы истребляли друг друга, что неправда. Даже бедный и лживый (какой нашёлся) рассказ о великой войне времён Хуана Ди был некоторое время назад на одном сайте и исчез. Всего этого не нужно знать людям, особенно в правдивой передаче, иначе возникает слишком много вопросов о роли прославляемого Великого Кормчего. Дальше в хрониках история сводится к описанию

стала во всём виноватой мишенью. Вытесненные люди составили со степным народом новый конфедеративный союз Хунну, что значит Верные, формальное название Дзен-Мете по имени великого князя, правившего в момент образования нового союза.

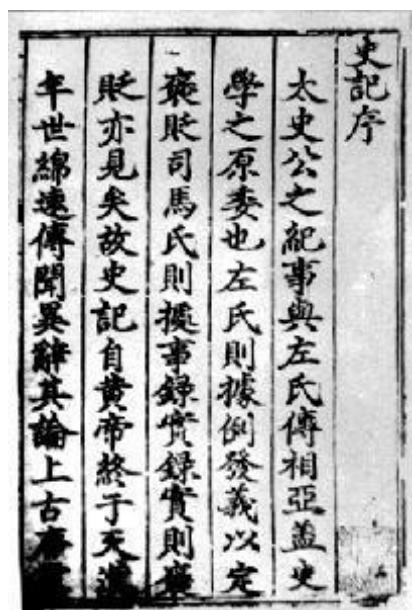
Дети суровых мест, неприхотливые в быту, хунну (гунны – неправильная транскрипция) были чрезвычайно чувствительны в вопросах веры, законности, патриотизма. Ничего не было дороже идеалов, и самой жизнью не дорожили, когда касалось святынь. Почитали старших, предков и традиции. Болезненно воспринимали предательство, когда племена, захваченные людьми Аану, притерпевшись, отступались от веры предков. Очень почитали справедливость и не прощали врагу того, что у них когда-либо было отнято, особенно духовных святынь. Они не имели слуг, сами себя обрабатывая, рабами их были военнопленные, которые отрабатывали на тяжёлых и неотвественных работах причинённый ущерб. Языком и письменностью хунну был тот же санскрит, что у эллинов. Поклонялись предкам, небу (космосу), земле и духам, женщины участвовали в общественной и политической жизни наравне с мужчинами и бывали царицами. Человеческих жертвоприношений и ритуальных убийств, о которых авторы переписывают друг у друга, не было.

С пониманием, что мы хоть и антагонистические политические системы, но всё-таки один народ, и что по ту сторону границы наши люди люто бедствуют, мы организовали вдоль границы зоны свободной торговли, и громадная доля товаров, производимых в этих областях, вымывалась китайскими же купцами из Анно-Китая на территорию хунну. Это даже вызвало войну со стороны китайцев, но хунну показали абсолютное военное превосходство и отстояли право китайцев хотя бы торговать.

С последних веков до н.э. история края совершенно подобна истории Балкан этого же времени, где редкий год обходился без войны, и приёмы её со стороны Анно-Китая были теми же, что у Афин – города Старого Ылу и Рима – государства-разбойника Аану. От травливания и истощения конкурентов в междоусобицах и вплоть до введения военных поселений на оккупированных территориях всё было одинаково. Видя духов, хунну понимали значение происходящего в контексте не локальной стычки, но стратегии веков. Они приняли это как необходимость концептуальных перемен, и прежде всего централизации власти, что далось не завоеваниями, как у других народов, но добровольным сплочением.

Слияние народов произошло во время правления великого князя хунну Тумана, он сделал базовые установления, обновил и упорядочил законы, в его честь названа Тюмень. С этого трамплина правление его сына Модзе (209–174 до н.э., разные авторы на разных языках исказили его имя в Мудзук, Мундзук, Мунчуг, Монджак, Модэ, Мете, Маодунь, но правильно Модзе) стало высоким и памятным полётом. Он очень много сделал для блага народа и преобразил страну, народ прозвал его Дзен – Великим, Благословенным, поэтому страна имени Модзе – это Дзен-Мете, Гунния – неправильное название.

Вплоть до правления Модзе, хунну в летописях упоминаются отрывочно – вероятно, потому, что они не были воинственны и не представляли угрозы для соседей. От этого времени располагаем записками Сымы Цяня. Это не придворное, а личное сочинение, что дало возможность объективного изложения. Небылицы в биографии, составленные Сымой Цянем, были добавлены много позже при переписывании примерно так же, как в энциклопедию Гая Плиния Младшего и многих других были добавлены многие абсурды, которых Гай Плиний не писал.

[Сыма Цянь](#) (145/135–86 до н.э.) жил и служил советником при дворе императоров династии Хань. Его отец Сыма Тан заведовал императорской библиотекой и был историографом, он завещал сыну завершить его исторические исследования. Я вёл их обоих и писал этот труд их руками – да, работая в архивах Аану, мне было важно оставаться в центре событий моего оккупированного народа и писать для него «в стол» правдивую историю, которую через века найдут, как реликвию. Кроме истории за 2000 лет, Сыма Цянь описал многие стороны общественной и личной жизни и дал биографии нескольких выдающихся людей (сильно искажённых переписчиками), используя «более лёгкую форму и красочный язык, оставшийся для потомков высочайшим образцом художественного слова». Понимая свой труд как послание в будущее, он делал акцент на закономерностях взлётов и падений державы, анализе общественной деградации, современником которой он был. Как придворный астролог он провёл реформу календаря (105– 107 годы до н.э., 365,25 дней, 12 месяцев в году его календаря). Справа [страница](#) предисловия к его книге «Ши-цзи» («Исторические записки»)

Аану развивал успех. Когда отношения вышли на острие, Аану нарастил и реорганизовал китайскую армию и совершил в 119 году до н.э. внезапный удар сразу по двум флангам хунну. Хунну проявили несравненно более высокое военное искусство и на западном фронте почти победили, когда поднялся самум, понёс пыль против них и луки оказались бесполезны. Хунну пошли врукопашную, но их накрыла ночь. В ночном бою погибли 19 000 хунну, а китайцы посмели назвать только число погибших лошадей – 100 000. Хунну прекратили преследование, китайцы приписали себе победу, но не были ей рады. На восточном фронте им удалось достичь большего, но рапорт о 70 000 пленных хунну преувеличен на порядок, как и запись в хрониках о том, что-де хунну ушли за пустыню Гоби, правде не соответствует. 60 000 китайских военных поселенцев появились не на захваченных у хунну землях, но вдоль прежней границы с китайской стороны, и выселяли ради этих поселений не хунну, но солидарных с хунну приграничных китайцев, которые не только кочевали между странами и активно участвовали в зонах свободной торговли на земле хунну, но носили идеи, новости и вольный воздух свободного мира.

Видя, какой урон понесли хунну в войне 119 года до н.э., в 117-м их союзники тибетцы, у которых перед тем Аану отбил две области, выступили против Китая Аану. Изматывали Анно-Китай 10 лет с переменным успехом и всё же вернули отнятые у них области. 12 лет передышки дали возможность хунну собраться с силами, но они не спешили ввязаться в новую бойню, и Анно-Китай использовал паузу для захвата индийских и бирманских провинций на юге и для сведения старых счётов с северокорейским княжеством Чао-Сяня. Анно-китайцы были биты в Бирме и Корее на суше и на море; корейцы предложили

почётный для проигравших мир. Наследник корейского престола был убит на переговорах, его делегация оказалась в плену, обезглавленная Корея была насильно присоединена к Анно-Китаю несмотря на то, что в войне победила Корея, – методы побед были те же, что в стране Хам, Афинах и Риме. И та же идея построить мировое господство – намерения были слишком очевидны, воплощались с не оставляющим сомнений нахрапом, и опыт, когда захваченный смехотворный клочок земли становится плацдармом поглощения и истребления, был в избытке, поэтому хунну не примирялись с утратой ни одного клочка.

Хунну пользовались большим уважением в регионе и связывали вокруг себя интересы народов справедливым законодательством, коллективной безопасностью и хорошо организованной взаимовыгодной торговлей. Анно-китайцы поднимали свой рейтинг устрашением. Их конница уступала хуннской из-за не лучшей породы лошадей; император У-ди поставил первоочередной задачей добыть на развод «небесных лошадей» ферганской породы – знаменитых аргамаков. Анно-китайские посольства зачастили в Согдиану, в лошадях им было отказано, назойливость послов говорила о нехороших намерениях и их перестали принимать. Это вылилось в открытое противостояние: в городе Ю (Узгене) послы нагрубили и были отправлены восвояси, в Китае объявили, будто послы убиты и их караван разграблен, чтобы агрессия получила повод. В стратегически важную провинцию Усунь была прислана китайская княжна в жёны правителю, и хотя она была принята холодно и вскоре отдана другому мужу и даже умерла молодой, в качестве её свиты народ Усунь получил анно-китайскую группировку, находящуюся в стране на законных основаниях, со всеми следовавшими от неё кознями, и анно-китайскую крепость на границе.

Постоянно воюющей стране нужна постоянно пополняющаяся армия. Анно-Китай повёл усиленную милитаризацию и она, при профессиональной армии в сотни тысяч солдат, потребовала значительно больших средств, чем мог дать народ. Фантастическую роскошь двора не сократили, предельно повысили налоги, народ голодал, но средств не хватало. Китай быстро пришёл к практике регулярного пополнения армии нищими и уголовниками – неприхотливыми людьми, теми, кому нечего терять, экономя одновременно на их содержании в тюрьме, на пособиях по бедности и на средствах на содержание армии, ибо можно было себе позволить дурное содержание этих людей. Легаты подняли старую идею – отменить все налоги и заменить их монополией государства на железо и соль, – государство сохранило все налоги и провело монополизацию, повергнув экономику в коллапс, а народ в систематический голод и долги. Государство ввело кожаные тиснённые кредитные билеты и запретило все философские течения кроме конфуцианства, проповедовавшего, что священный долг человека – служить Отечеству. Неизвестно, говорили ли тогда, как теперь: чем больше государство убивает своих людей, тем громче кричит, что оно Отечество.

В 104–103 до н.э. анно-китайцы двинули против Согдианы армию уголовников – формально в ответ на убийство послов, фактически завоевать аргамаков, которых им отказались продать. Знатно были биты. Вернулась пятая часть армии, ни с чем. Император У-ди предал суду министров, советовавших не ввязываться, и в 101 году до н.э. бросил 60-тысячную армию против Согдианы и 180-тысячную против ожидавшегося флангового нападения хунну, ибо Согдиана входила в союз безопасности и сотрудничества государств региона, образованный хунну. Хунну напали не с фланга, а в тыл, в анно-китайские провинции, и на обратном пути разрушили защитные земляные валы, сторожевые вышки и крепости У-ди¹. Тогда Гюйлиху-шанью², как и три его предшественника, заболел и скончался от неизвестной болезни. Но и анно-китайцы заплатили за аргамаков непомерно дорогую цену – лишь 10 000 из 60 000 вернулись из второго похода, а хунну немедленно вытеснили китайских наместников из покорённых городов Центральной Азии. Неудачные военные походы подорвали экономику Анно-Китая, зато преступность и коррупция процветали, как всегда при небрежном отношении к экономике и духовном опустошении.

¹ Это имя носили многие из императоров династии Хань.

² Шаньюями в анно-китайских летописях называют верховных князей конфедерации Дзен-Мете.

Интриги и происки, заговоры и тайные убийства – весь стандартный арсенал партии Аану. Так было во время правления Модзе (209–174 до н.э.), Лаошаня (174–161), Ичиее (126–114), Ушилу (105–102), Гюйлиху (102–101), последующих великих князей.

Новый шаньюй Цзюйдихэу повёл переговоры о мире, но анно-китайцы не умели говорить на равных, а только милостиво принимать в подданство. Анно-китайские послы, прибывшие в ставку хунну, организовали заговор с целью похищения жены шаньюя и были казнены, остальным членам посольства было предложено принять хуннское подданство, что те и сделали и были отправлены к новому месту службы очень далеко от границы.

Анно-китайцы предприняли серию обогатительных набегов на западных соседей, хунну следили за ними и все отряды были разбиты. В 97-м году до н.э. они отправились в поход против хунну и были разбиты так, что пришлось переформировывать армию. Так же, как предшественники, скончался во цвете лет Цзюйдихэу-шаньюй. Следующей мишенью стал Хулагу-шаньюй. Все шаньюи знали, что они – носители бога, который ведёт Дзен-Мете (я вёл всех великих князей), и что их тоже вскоре убьют, но смотрели на должность как на служение и на смерть как на самопожертвование во имя Отечества, к которому все были готовы без но и если. Здесь мы ещё застаём одержимость служением, характерную культу Знания, хотя собственно Знания в Дзен-Мете уже не могло быть – вся её история была войной.

В 90 до н.э. 70-тысячная конница и 100-тысячная пехота китайцев напали на хунну, по пути к ним присоединились ещё 70 000 конников и 10 000 пехотинцев подвластных народов. На стороне хунну собрались динлины и хакасы, сяньби и чеши, тяньшаньцы и среднеазиаты, входившие в Южную Ориану – Великую Персию – Селевкию, далеко от войны, но они не хотели оставить хунну в трудный час. Всё же армия содружества примерно вдвое уступала по численности, и было решено расступить перед противником, дать ему исчерпать ресурсы и повернуть домой, а на обратном пути усталые китайцы были разбиты так, что их армия прекратила существование и другой негде было взять. Хулагу-шаньюй предложил У-ди мир, свободную торговлю и чтобы Китай платил скромную дань. На этой точке умерли оба государя – У-ди в 87 году и Хулагу в 85-м до н.э.

Аану отнимал у соперника, ведшего всех шаньюев, одно тело за другим, надеясь, что однажды иссякнут способные грамотно править. Однако закон предусматривал, что если прямого наследника не оказалось либо его считают неспособным результативно править, нового выбирают старейшины в пределах династии – и так поступали, когда наследником, к примеру, оказывался младенец; таким образом истребить правителей не удавалось. На краткое время китайцам удалось заронить разброд в царскую семью, дальше – в общество, приведя к власти партию плебеев – так называемую старохуннскую – и спровоцировав целый ряд незначительных по отдельности демаршей, слившихся в заведомые неудачи агрессий против Китая, который, встречно, не терял ни дня, ссоря родных внутри семей, кланы и народы, устраивая своих княжон замуж в другие племена и благодаря высокому положению женщин в орийском обществе встраивая их китайские партии в истеблишмент этих стран. К слову, на этой хронологической отметке китайцы сказали нам «уберите со сцены своих женщин, не то мы станем их уничтожать», – ибо женщины хунну не только участвовали в политике, но и сражались даже на стенах осаждённых крепостей, не уступая мужчинам в мужестве и упорстве, – а в Китае женщины были бесправны настолько, что жён и дочерей дарили кому считали нужным наравне с любым другим имуществом. Оберегая своих женщин, хунну их вывели из политики... Это вошло в привычку и впоследствии высокое положение женщин не восстановилось.

Утраты хунну в войнах 60-х годов до н.э.

Искусственно раздуваемый сепаратизм вылился в войну 72–71 годов н.э., в которой хунну понесли громадные потери людьми, стадами, а главное, союзными территориями, на которых немедленно были расставлены китайские гарнизоны совершенно так же, как это делали афиняне на территориях, захваченных у Пелопоннесского союза. К 70 году гунны остались едва ли не в одиночестве, а поскольку отложились земледельческие регионы, а гололедица привела к массовому падежу скота, у хунну начался голод. Китайские же гарнизоны окружили хунну войной со всех сторон, с территорий братских народов, и чтобы дать отпор, нужно было воевать на территории братьев.

Ещё не всё было так плохо, но внутренняя борьба обещала довершить крушение. «Слабый» царь Хуанди-шаньюй умер в 68 году до н.э. Вдовы автоматически переходили «под крышу» и заботу наследника; боясь обидеть свою жену, новый шаньюй Хюйлюй-Цюанькюй на старте царствования не сказал главной жене Хуанди-шаньюя Чжуанькюй-яньчжи полагающиеся слова, что она будет любимой, желанной, высокопоставленной супругой – и получил ультиматум, что править будет она, он будет стоять с ней рядом, как стоял Хуанди. Чжуанькюй-яньчжи, с которой в семью внедрилась Фрейя, была удалена от двора, а поскольку её отец возглавлял самый влиятельный клан – покотился раздор. Шаньюй хлопотал о мире, партия Чжуанькюй-яньчжи сорвала переговоры. Её люди отравили Хюйлюя и она провозгласила новым шаньюем своего фаворита Туцитана под именем Уянь-Гюйди. Тот казнил всю партию Хюйлюя, передал все государственные посты своей родне, повёл прокитайскую политику, принялся за истребление старейшин родов – получил сопротивление, учинил террор – получил восстание и вынужден был покончить с собой. Так на стороне Аану вступила в игру Фрейя, и дело приобрело почти безуспешный для князей хунну оборот, ибо отныне жёны повели собственную и бесстыжую политику Фрейи по принципу «чем хуже, тем лучше», а дети в княжеских семьях стали гибнуть, сводя на нет род за родом лучших из лучших, покотился раздор между ветвями семьи так же, как это уже бывало сотни раз в Америке, Индокитае, Египте, Расении.

Только на неопытный взгляд могло показаться, что удаление Чжуанькюй-яньчжи от двора решает проблему. Фрейя просто пересела в следующую женщину, повела нескольких, она профессионально умела стравить людей так, что как ни поступи, так выйдет очень плохо, а этак ещё хуже, и через правящую семью превратить в ад жизнь всего народа. Исходная причина конфликта была исчерпана, но новый Хуханье-шаньюй казнил того, кто привёл его к власти, и страсти продолжились как гражданская война западных хунну против восточных. Через серию козней и казней пришли к тому, что каждый глава рода объявил себя шаньюем, защищая свой народ от безумия, идущего из центра. Дабы народ не настигла расправа за сепаратизм, все лидеры покинули свои земли и руководили издали. Хуханье победил потому, что люди устали от смут, но им не были довольны и сеча длилась ещё несколько лет, пока хунну не поняли, что и вместе больше невозможно, и порознь они не могут противостоять, и человеческий ресурс иссякает. Кто-то из великих князей, которых было тогда много сразу, нашёл выход в том, что от имени всех хунну попросил в 52 году покровительства Китая. Ещё пять лет братоубийственной войны, пока все претенденты на власть перекрошили друг друга и остался один Хуханье, и в 47 году был подписан равноправный мир с Китаем. Все так устали, что мира хватило на 50 лет.

Это было время, когда римляне учинили геноцид империи галлов в восемь миллионов жертв и нужно было спасать оставшихся, время, когда они разграбляли Дельфы с их банком Европы и Средиземноморского региона, с их сокровищницей культуры мирового значения, и я не успел всюду сразу. Наша партия понесла громадные, невосполнимые утраты.

Хуханье скончался в 31 году до н.э., его преемник Фучжулэй-жоди-шаньюй (жоди – «почтительный» – означает подданство императору Китая) – в 20-м, Сэусье-жоди-шаньюй – в 12-м, Гюйя-жоди-шаньюй – в 8-м, за ним был Учжулю-жоди. В тишине хунну собирали силы, но со сменой императора Китая на престоле оказалось дитя, и в 8-м же году до н.э. фаворит его бабки-регентши Ван Ман захватил власть. Его реформа, опирающаяся на конфуцианскую доктрину, погрузила страну в хаос. Жестоко пострадали все классы общества и ничего не приобрело государство. Сам себя назначивший канцлером, а затем императором новоучреждённой династии Синь, Ван Ман вёл политику вседозволенности вплоть до того, что его представители казнили князей подданных народов, а он сам низвёл шаньюя до положения начальника пограничной заставы и захотел объявить шаньюями старейшин всех 15 родов. Один только князь Хянь приехал к нему и был произведён в шаньюи. Ван Ман получил войну, но Учжулю-шаньюй умер в 13 году н.э. – тоже конечно не своей смертью.

Ван Ман, фаворит императрицы-регентши, самопровозглашённый канцлер и затем император (9–23 н.э., Аану, он никогда не женился, храня вакансию до времени, когда

взойдёт на мировой престол, тогда эта «валюта» может оказаться решающей, поэтому все его жёны были неформальными, а дети – бастардами). Смута, возникшая в результате его узурпации и утеснений, оборвала правление Ранней, или Западной Хань. После свержения Ван Мана, Хань восстановились на троне и этот период правления носит название Позднего, или Восточного Хань

В конце 1 века до н.э. по Китаю прокатились восстания невольников в рудниках. В 17 году н.э. в Китае вспыхнуло всенародное «восстание краснобровых» (выкрасили брови, чтобы отличить в бою своих от войск Ван Мана) против произвола чиновников и невыносимых условий жизни (голодали до людоедства); они провозгласили новым императором Лю Пэн-цзы из династии Хань. В 21 году восстание расширилось на весь восток Китая, с севера его атаковали хунну, к тому же саранча уничтожила урожай. Старая знать присоединилась к «краснобровым», но их ставленником был Лю Сюань, объявленный императором под именем Гэн-ши. Когда сожгли столицу Джан-Ань и уничтожили Ван Мана и его клику, «краснобровые» повернули оружие против старой знати и её ставленника. В 27 году сторонники Лю Пэн-цзы убили Гэн-ши, но его родственник Лю Сю оказался проворнее и под тронным именем Гуан Уди, убив Лю Пэн-цзы, основал Восточную, Позднюю, Младшую династию Хань.

Интригами придворных, желавших мира с Китаем, Дзен-Мете незаконно возглавил Хянь, в царском титуле Улэй-жоди-шаньюй, неродовитый князь народа-сателлита. Этот самопровозглашённый, поддерживаемый Китаем шаньюй всё своё правление топил в крови недовольных. Он был захвачен и убит в 18 году, ему наследовал брат Юй с титулом Худурши Дао-гао-жоди-шаньюй. На его царствование пришлись тяготы войны с Китаем и гражданской внутри Китая, с несколькими сотнями тысяч убитых и огромным потоком беженцев, хлынувших к хунну; к тому же отложившиеся прежде страны стали возвращаться на земли хунну, усиливая Дзен-Мете и восстанавливая исходные пределы владений.

Шаньюй Юй во всём следовал примеру Великого Модзе. Он посвятил жизнь восстановлению Дзен-Мете и отказался продлить договор о подданстве Китаю, а вскоре предложил считать Дзен-Мете империей, равной Китаю. Он помог «краснобровым» уничтожить Гэн-ши и сделал императором Китая Лу Фана, своего ставленника из повстанцев, коронованного под именем Хуана Уди. При нём хунну заняли все свои земли, некогда отнятые Китаем, и стали вторгаться в его внутренние области. В 44–45 годах Китай понял, что проиграно всё.

Шаньюй Юй умер в 46-м от старости, успев устранить сына Хуханье с пути своего сына на трон, но не успев расправиться с Би, сыном Учжулю-шаньюя, и тот, понимая, что стал бегущей мишенью, встал на путь измены. Сын Юя Удаихэу быстро скончался, его место занял Пуну, второй сын Юя, а Би принял в 48-м году н.э. подданство Китая и, объявленный восемью южными родами шаньюем, стал охранять гунно-китайскую границу. Люди потянулись за личностью Би – Хуханье-шаньюя II – и покатила гражданская война против Пуну. Держава хунну вновь была разорена и развалена, к этому добавились засуха, саранча (и значит, голод) и эпидемия, ставшие причиной неисчислимых людских потерь, но Би был подданным китайского императора и тот счёл, что Би приносит свои победы ему. Вспыхнуло восстание против Би, в распри погибли все вожди восстания, Би спрятался за китайскую военную помощь, Китай же раздувал распри, дабы хунну крепче друг друга перебили. Тогда князя усуней, сяньби и динлиней сказали шаньюю, что если они немедленно не уведут свои народы, люди их будут истреблены до конца, и ушли. Мне было нечего возразить: они и хайну – самые способные к наукам, те, кого нужно больше всех беречь, потерять их было бы ни за что нельзя. 73 рода отложились от Дзен-Мете в этой войне, торговые связи были разрушены, от края осталась руина. Би умер в 55 году, но война продолжалась ещё 30 лет, до 85-го. Параллельно Китай воевал с отлагающимся от него Тибетом.

Легко разжечь страсти, трудно погасить. Северные хунну оказались в кольце прокитайских южан и подстрекаемых окружающих народов. В 87 году они потерпели страшное поражение от сяньби, снова прошла саранча, после чего ещё 58 родов отошли к

Китаю, спасаясь от голода. В 89 и 90 годах южные хунну в объединении с Китаем обрушились на сокрушённых и истощённых северных хунну. Юлю-шаньюй располагал всего тысячей всадников и тем не менее сражался храбро. Он потерял в этой войне семью и всё имущество и сам едва выжил от ран. Затем он исчез и место шаньюя занял его брат западный лули-князь Юйчугянь. Он попросил у Китая мира и это было принято с пониманием, поскольку от хунну многое зависело в степи. Однако китайский генерал, ведущий переговоры, был внезапно казнён, и Юйчугяню ничего не оставалось, как увести людей вглубь степей. Догнали, убили. Так в 93-м году истреблена была династия Великого Модзе.

Оставшиеся 100 000 кибиток северных хунну (в Южном Хунну было 34 000 юрт) сменили династию и во главе со знатным родом Хуян откочевали в Карагандинскую степь. Они выиграли у судьбы 15 лет мира и восстановления, в которые вокруг всё так же продолжали полыхать войны китайского террора, которые на западе вёл на свой страх и риск ссыльный авантюрист младший офицер Бань Чао, отличавшийся неслыханной дерзостью, вероломством и жестокостью в борьбе за свою реабилитацию. После одной из стычек на переговорах, кянской делегации подали отравленное вино и погибло 800 старейшин и в последовавшем набеге ещё тысячи людей. Инцидент перерос в полномасштабную войну регулярных войск, перед которыми кяны – народ содружества, на территории которого происходили события – устоять не могли.

В то же время в южных, прокитайских землях хунну собралось много людей, ненавидевших южное правление за измену, разгром собственного государства и лютую жестокость по отношению к своим. Там они спасали и не могли уберечь свои семьи. Все 90-е годы Юг раздирала междоусобица претендентов на власть, разогреваемая китайскими представителями на местах, и восстания, к которым все стороны поставляли жгучие причины. Многие уходили к северянам. В 104 и 105 годах северяне присылали в Китай делегации с предложением мира; их оставили без ответа. Тогда в кянско-китайском конфликте северяне встали и выбили китайцев из всего Западного края от озера Баркуль до Арала и Каспия. Чтобы его удержать и расширить владения, хунну пришлось воевать 50 лет. Причём в классической балканско-апеннинской манере китайская летопись вводит сюжет, в котором северные хунну влились в народ сяньби и взяли себе его имя, в то же время люто воевали с сяньби под собственным именем хунну. Заканчивается этот опус искоренением всего народа хунну; их место в антикитайской борьбе заступают сяньби, до сих пор якобы ожесточённо воевавшие с хунну на китайской стороне, – то есть летопись не только тенденциозна, но неправдива.

Едва ли не все против всех – так по китайской летописи, – но и едва ли не все против китайцев. С этим, и в особенности с постоянно действующим всеобщим народным восстанием даже регулярные войска Китая ничего не могли поделать. Им пришлось уйти из мест, которые они называли Северо-западным Китаем.

Пока против Сины воевал Аану, народы Дзен-Мете не только противостояли, но и изматывали врага так, что Анне было впору остановить войну, да нельзя было отступить. Слишком далеко зашло дело. Когда в войну вступила Фрейя, вопрос был только в том, сколько мы сумеем продержаться в бою без правил против таких противников.

Много веков две великие страны работали исключительно на войну. Сыновья рождались, чтобы стать воинами и погибнуть в бою. Хозяйственная деятельность была свалена на женские и всё более вдовьи плечи. Голод стал нормой жизни и началось национальное ослабление. Моральная усталость превысила предел и князья народов-сателлитов стали искать предлоги, почему не пришлют войско на очередную войну. Сохраняя добрые отношения и оставаясь формально орианами, стали дистанцироваться от хунну, того требовал простой инстинкт выживания. В голодные годы, которые случались всё чаще, некоторые семьи уходили от своего племени, чтобы покориться врагу, но выжить. Оставались нейтральными, если враг позволял, или должны были воевать на стороне врага, чтобы выжили дети. Хунну жестоко переживали, что их бросили на произвол судьбы и по сути на

погибель, ибо такому врагу невозможно противостоять в одиночку. Немного было толку в уверениях бывших братьев, что будь их воля, никогда бы, и при первой возможности вернутся. Они действительно возвращались, когда хунну и в одиночку одерживали победу, но моральная усталость брала своё у всех. Южные хунну тоже стали переходить на сторону Китая. Хуже этого внутреннего предательства люди ничего не могли себе вообразить. Ведь хунну были одержимы верой и идеей служения. Чем более сужался круг, тем более они ощущали себя столпом, основанием мира, и если они подогнутся, мир упадёт. И всё же на смену слову «вечность» пришло пресловутое «здесь и сейчас».

Был перерыв, когда Рим окончательно разгромил Дельфы и Крито-Микенское царство, мы все метались там, спасая, что возможно, из людей и ценностей; теперь я смог вернуться к хунну. Я сместил акцент. Часть народа хунну откочевала на земли народа сяньби. Летопись вещает, что Таншихай, юный гений народа сяньби, рождённый в грехе и воспитанный вне семьи отца (на самом деле в земле сяньби, вне земли отцов – хунну, но Аану не мог не подать это как грех матери), нанёс последний удар по хунну. Оставим китайцам их вымыслы об уже не раз окончательно поверженных хунну и непременно в грязи зачатых лидерах народов-конкурентов. Часть хунну действительно откочевала на земли сяньби, хотя и не сливалась с ними и оставалась хунну без но и если. Таншихай был хунну (хотя жил на земле сяньби) и далеко не юнец, и я по-прежнему вёл всех великих князей и делал всё что мог для моего народа. Со 155 по 166 годы он стремительно собрал под свою руку бывшие владения хунну протяжённостью в 6 500 км от Уссури до Урала.

В 168–173 Таншихай обставил Южную Сибирь так, что она была вынуждена присоединиться к новому союзу, в который уже вошли сабиры Западной Сибири (не следует отделять их от хунну, ибо они были одним народом), европеоидные хиониты Приаралья, угры Южного Урала и Нижнего Поволжья и аланы Предкавказья. Таншихай не принял титул шаньюя, он просто собирал земли и народы и непобедимо сражался против Китая. Китайцы предлагали мир, но Таншихай не вступал в переговоры. Отныне и четыре века хунну били китайцев и империя Хань не выдержала этого.

Походы Таншихая против империи Хань, перешедших на её сторону и нейтрально отложившихся от Дзен-Мете орийских князей. Народы Усунь – современные уйгуры, народ белой расы в современном Китае, потомки хунну, не смешавшиеся с китайцами

Исход хунну из Гоби, из их исконных мест в 155–158 годах. Часть хунну осталась на месте и приняла подданство Китая, часть осела на земле народа сяньби, юэчжи давно ушли в Северную Индию и были там поработаны, поэтому, двинувшись на запад, хунну первым делом совершили бросок в Кушан и освободили братьев кушанцев. Основная же часть хунну ушла на запад. Терпит поражения и вскоре распадется империя Хань – Аану придется думать о более важных задачах и люди ненадолго вырвутся из «империи счастья»

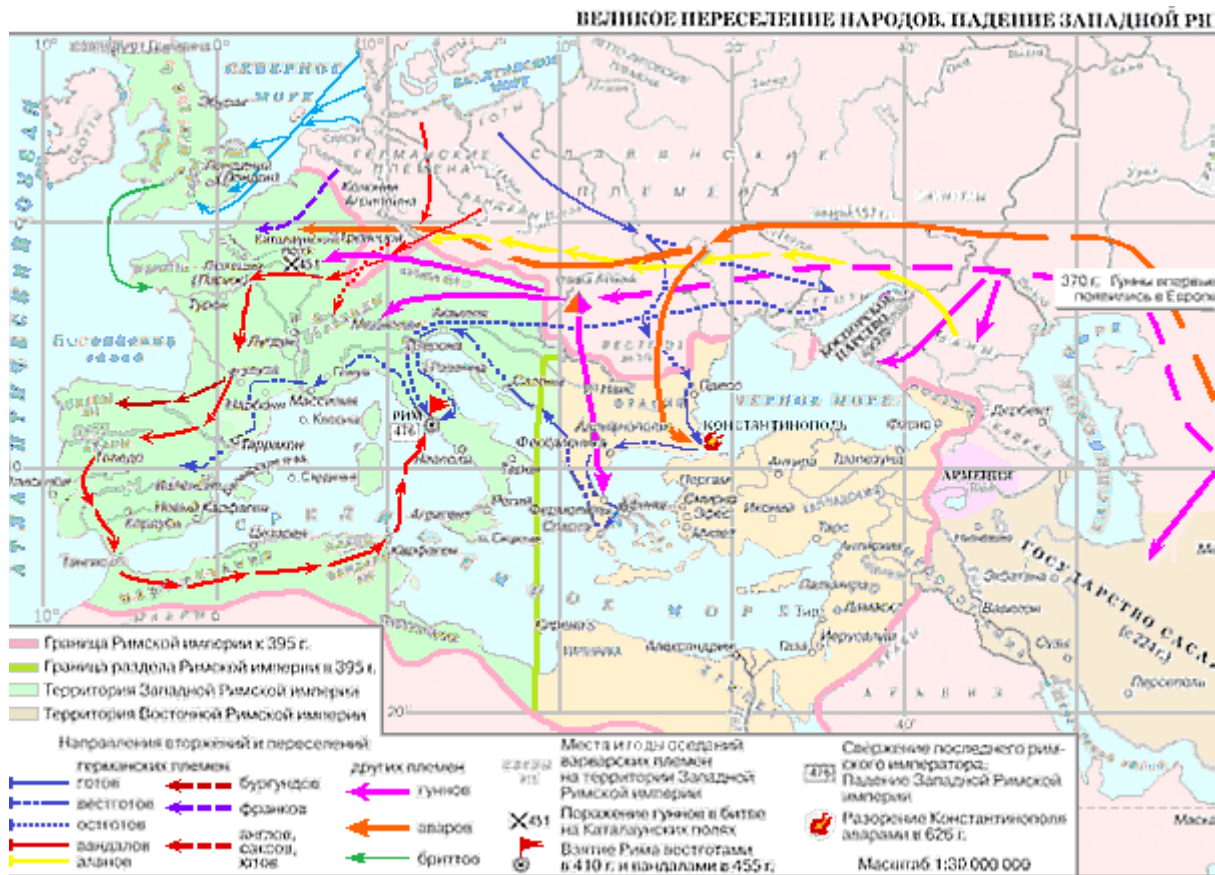
В 181 Таншихай скончался, отнюдь не на 40-м году жизни, но за 70, и завещал потомкам не останавливаться, пока не восстановят всю былую Ориану. Его сын Холян пытался продолжить политику отца, но у него не было авторитета отца и держава отца развалилась в 235-м, поскольку люди не хотели быть подданными Холяна. Летопись объявляет, что от 155 по 350 годы о хунну ничего неизвестно, однако после упомянутых событий 180-х и 230-х пауза прикрывается такими небылицами о хунну, такими отчаянными попытками их принизить, что можно не сомневаться: хунну входят в большую силу и Китай не имеет рычагов, чтобы на это повлиять.

Значительная часть хунну уходит на запад и надолго останавливается в Согдиане. Несколько поколений хунну копят силы. За время этой «паузы» хунну восполнили население и армию, модернизировали экипировку и боевую тактику, провели селекцию лучших коней и усовершенствовали лук – полутораметровый составной, дальноточный, причём их стрелы были, леденя кровь. У них появились новые доспехи и новый конный строй. Хунну внезапно налетали, выстроившись клином, с устрашающим видом и оглушающим криком, забрасывали неприятеля градом тяжёлых стрел, пробивающих доспехи, и так же внезапно рассеивались. Не успел противник собраться для удара по клину – а его нет, стрелы, дротики, арканы летят со всех сторон, а хунну растворились среди неприятеля и им же прикрыты от ответного удара. Бой идёт на высокой скорости, противник не успевает реагировать и судьба его решена очень быстро. С теми, кто не покорился, они вели тактику выжженной земли, покоряя любыми средствами, но до этого допускали немногие. До самой Меотиды так пришлось поступить только в Кушане, освобождая юэчжей. В целом же линия хунну была не на захват, но на объединение Орианы, которое большинство скотов (скифов, праславян) и особенно аланы (голубоглазые кавказцы) восприняли с пониманием и Ориана возобновилась добровольно. Об этом также говорит факт, что угры Приуралья посоветовали им в Европе идти в Паннонию, к западным уграм (венграм), и способствовали тому, чтобы хунну были

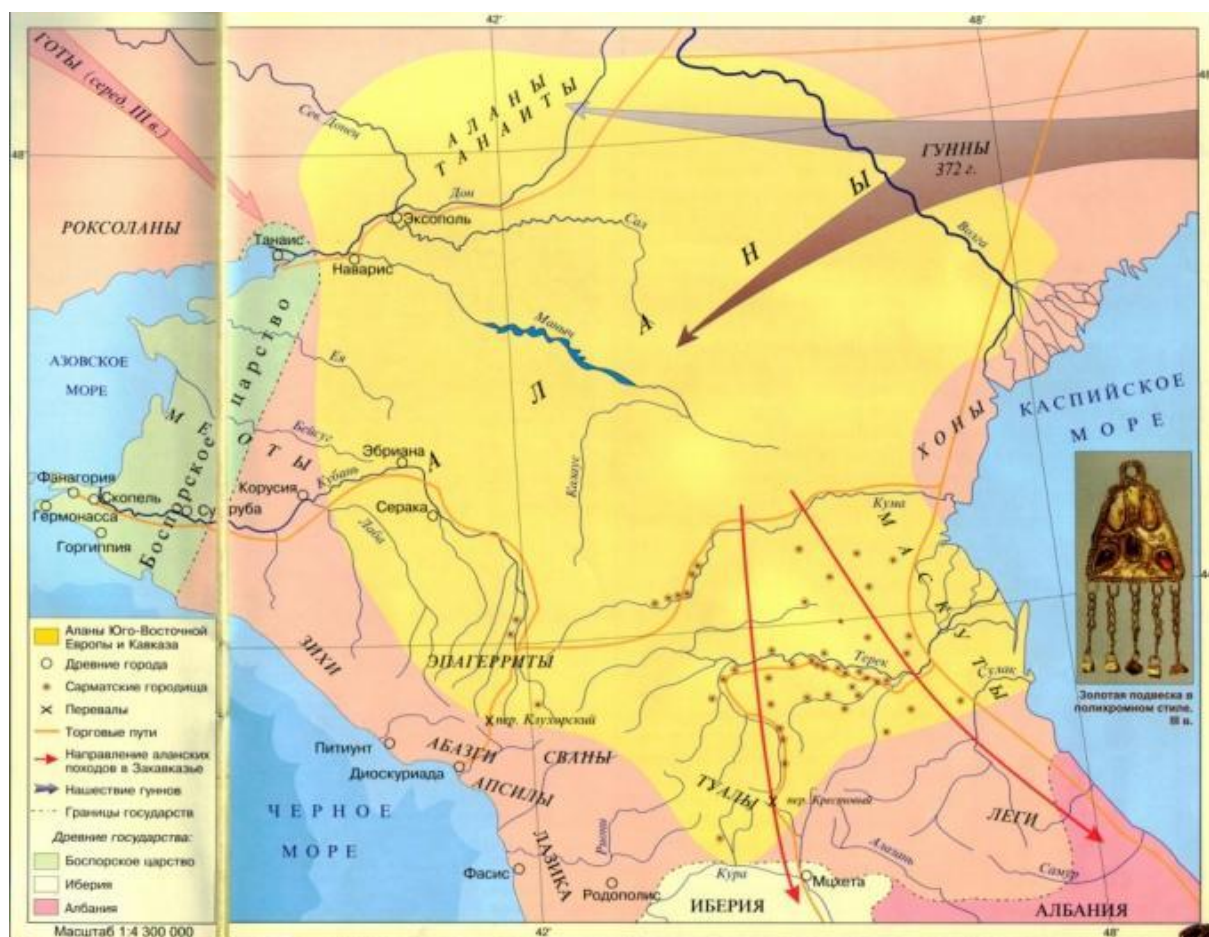
там приняты как свои – что и было сделано. Паннонией их страну звали ромеи, самоназвание же было и угры, что сохранилось в украинском Угорщина, и хунгвары, а страна Хунгвар.

Помимо утраты собственных летописей, пробел в истории имеет причину в разное название народов в летописях других народов. Имя аланы для историков отделено от скотов, в то время как аланы – дети Аллаха (а Аллах, как и Тенгри – это я, задолго до ислама) – не «пришли» и не «выделились» из скифской общности, но были её частью: в момент ослабления государственности молодая династия скотов же (боковая ветвь старой правящей династии) подхватила бразды правления и повела страну к восстановлению утраченных позиций под именем аланов.

Начиная со 130-х годов н.э. аланы стали собирать под свою руку распавшуюся Ориану, и собрали – от Чёрного моря до Балтии (Сарматского моря), от Дуная до Персии, Индии и Китая, восстановили почти всё утраченное ориями. Имена героической династии история не сберегла.

По мере продвижения на запад хунну отвечали часть армии для помощи своим и возвращения исходных территорий Орианы: поддержали Кушанское царство в северо-западной Индии и конфедерацию Селевкидов, где Аану истреблял династию Веракочу, вытеснили готов-разорителей от сровненной с землёй Танаис и обезопасили Боспорское царство, с которым у меня были связаны огромные планы развития, почти дошли до Пелопоннеса, где было убито всё некогда блиставшее

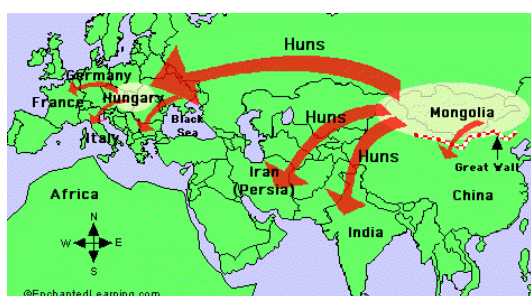

Аланы, по самоназванию яссы, в Европе их называли почему-то сарматами – народ, объединивший территории от Монголии и Китая до Галлии

Не было и не могло быть прочно созданное аланами, ибо ушла психология конфедерации. Жизнь являла новые реалии, требовавшие объединения в жёстко централизованную структуру. Теоретически признавая это, аланы не посмели отступить от структуры союза свободных княжеств и военной демократии, и потому империя аланов существовала до первой мощной агрессии. Но она сделала важную попытку приучить князей к идее централизации.

Гуннов называли [бичом божьим](#) и изображали ужасными, с кудлатыми грязными лицами и зверскими манерами – у них была разработана система психической атаки, подобно боевой раскраске. Ошибочность версии их тюркского происхождения в поверхностном восприятии факта, что хунну начали шествие из степей Гоби и что доевропейские сведения о них нашлись в хрониках китайцев – следовательно, не монголы так тюрки. Поскольку их путь пролегал через земли тюрков, в их армию вливались тюрки-ориане. Кроме того, в захоронениях нашли посмертные маски монголоидного типа, однако лица под ними европеоидные – они хотели не быть похожими на разрушителей-европейцев

[Пути](#) продвижения хунну и [карта](#) миграций аланов. Жёлтым обозначены места расселения аланов в IV веке, красные стрелки – миграции, оранжевые – военные походы. Я специально поставил обе карты, чтобы было виднее: они шли как один народ к одной цели. Обратим внимание на красную стрелку в Индию: она указывает на Агру, где хунну возобновили столицу орийского княжества в Северной Индии и знаменитый беломраморный Тадж Махал (построенный в 25 веке до н.э. и реставрированный в 17 веке)

Не веря в равноправие народов в новом образовании, не все аланы были за воссоединение и часть их дала хунну единственный бой. Проиграв, великолепные воины аланы отвели часть народа к Кавказу и она стала прародителями осетин, чеченцев и ингушей,

а другая часть ушла вместе с хунну на дальнейшие завоевания. Причём если князья других народов выделяли воинов, которые пойдут в поход с хунну, то об аланах историки говорят «ушли с гуннами» – аланские князья добровольно слили с ними свою армию во имя великого общего дела.

У каждого из народов содружества было своё автономное государство, их связывали политико-экономические интересы и вера. Соответственно, культура была в значительной степени общая, и археологические находки могут не показывать различий с некоторыми народами. До Казахстана не закладывали, а возобновляли государства, а после государственность была и лишь нуждалась в поддержке. Поддержка была оказана, а дальше я спешил к своим причерноморским владениям.

Накануне событий (в первой половине 4 века) в Причерноморье, которым владели анты, готы под водительством короля Витимира налетели на моё Боспорское царство, разорили дотла, перебили людей и всё сожгли в краю, с которым я связывал грандиозные планы. Учинили великую резню, убили князя Божа со всеми сыновьями, распяли 70 старейшин, сровняли с землёй мою Меотиду, полностью уничтожили население. Объединившись с аланами в 370-х годах, я поспешил в Меотиду и разрешил моим людям отомстить Германариху – князю готов, уже поименовавших себя крымскими готами. Теперь полностью уничтожены были те готы, кто не успел убежать за пределы досягаемости аланов и хунну. Ненадолго: они бежали во Фракию и мы направлялись туда. Великий князь хунну Баламбер вернул антам Причерноморье и разрушенную готами Танаис.

Пройдя в 395 году через Кавказ, одна ветвь армии хунну освободила от римлян мою Сирию и Каппадокию, другая же ветвь была гостеприимно принята в Паннонии, и её тоже освободили от римлян. Сирию не опустошали, как пишут, но освобождали братский народ от римских гарнизонов, которые с особым наслаждением унижали и разоряли Святую землю, вели себя с особым цинизмом и при всяком случае спешили истязать и убивать людей.

Римлян ненавидели все и встречали нас радушно. Мы же со своей стороны, включая их в Дзен-Мете, назначали вместо римских поборов всем и всегда один и тот же налог – десятину, которая расходовалась не на роскошь двора или чьё-либо обогащение, а исключительно и прозрачно на общие нужды конфедерации. В отличие от, скажем, Афинского морского союза Старого Ылу, в котором налог на совместную оборону беззастенчиво тратился на застройку и украшение Афин, взносы ориан шли строго по назначению.

[Дзен-Мете](#) в максимуме славы. Традиция разделяет их территорию на хунну, чьи владения принято ограничивать на западе Уралом и Каспием, и гуннов, которым отдают территорию Европы до Урала и Каспия. Один народ, одна держава, разные источники и транскрипции. И с ними в Дзен-Мете десятки, если не сотни других народов, братьев без различий. То, что кто-то кого-то покорял, выдумали римляне, чтобы не признать, с какой радостью народы вырывались из-под их сандалии

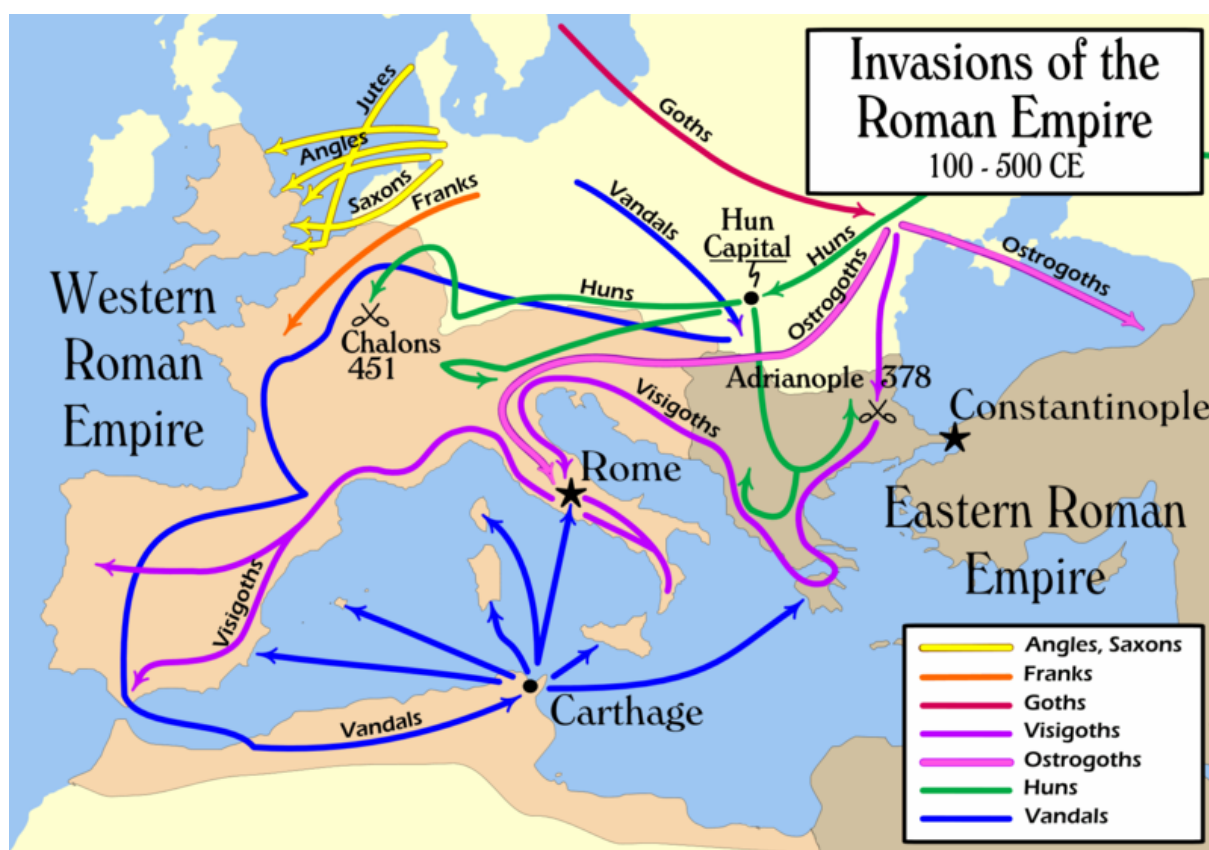

Продвижение хунну в 370-х годах

Здесь, в Меотиде я понял, что мы не сможем одолеть Аану, пока не выйдем его из отнятого у расенов Рима. Именно сейчас, когда я снова на вершине могущества, эта задача осуществима и должна быть решена. Теперь я видел только одно – шаг и ещё шаг навстречу Риму. Дойдя до руин Киева, первым делом организовали переправу, поскольку важна была внезапность появления в Европе. Оставшийся в Киеве гарнизон восстановил город – он и святыня древности, и стратегически важная точка. Туда к Атилe приезжали послы и дивились архитектуре Киева и чистоплотности, культуре и образованности светловолосых хунну, хорошие манеры и знание языков не только князьями, но и дружинниками, – вопреки ужасам, которые рассказывали в Европе о гуннах-дикарях. При зоологическом неприятии римлянами других народов и стойкой традиции приписывать уродства и пороки и не отмечать достоинства и успехи, это высокая оценка. По той же причине, труды Марцеллина ни в коей мере не могут служить опорой ввиду недобросовестности автора не только в части оценок, но и элементарного знания предмета.

Готская война (377—382). Готам не удалось закрепиться во Фракии. Хунну вытеснили их на юг Европы: визиготы ушли на Пиренеи и чуть восточнее, остготы на северные Апеннины и чуть западнее. Замечу, что вестготы и остготы – неправильные названия

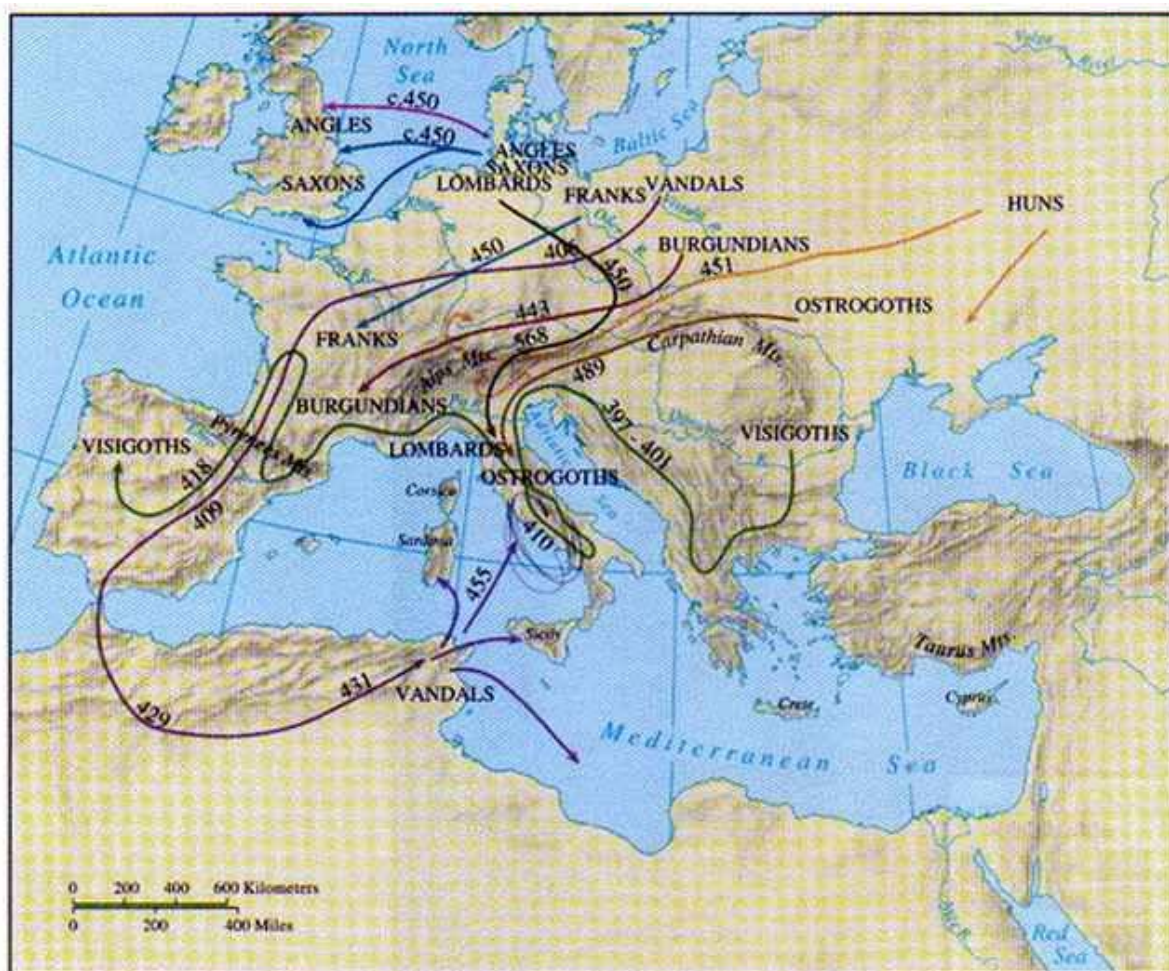
Движение армий и народов в 4 и 5 веках. На этой карте обозначены владения Восточной и Западной Римской империй. Мимоходом: в римских источниках неизвестно даже имя столицы хунну в Паннонии, только что входившей в Римскую империю. Это само говорит о том, что ромеям не было никакого дела до их колоний. Всё, что их интересовало – подвластная территория должна быть покорна и должна снабжать Рим

Напомню о том, каким встречал Рим своих завоевателей. До новой эры в Европе абсолютно лидировала Галлия, Рим тщетно соперничал с нею и играл на том, что в конфедерации никто не обязан участвовать в войне, обрушенной на соседа. Ловко ссоря и переманивая галльские провинции на свою сторону временными налоговыми льготами, Рим разъедал галльское единство и коррумпировал правящий класс. Галлы время от времени давали суровый отпор и однажды, в 390 до н.э., даже взяли Рим, но, дав ему почувствовать, что с ним может случиться, взяли дань, окупившую поход, и вернулись в свои пределы. Как и все ории, галлы объединяли вокруг себя народы политикой взаимовыгодного сотрудничества и безопасности и старались не ссориться с теми, кто этого не принимал. Беда галлов была в конфедеративном устройстве, в том, что они вовремя не централизовали свои народы, и это позволило Риму добиться значительных успехов, несмотря на абсолютное военное превосходство объединённых галльских сил.

В 58 году до н.э. легионеры Юлия Цезаря завоевали значительную часть территории галлов, уничтожили около восьмисот городов, истребили около двух миллионов человек и сгубили в плену ещё шесть, и Галльская империя прекратила существование, при молчаливом покорствовании большинства царей Галльского союза, которых римляне съели на второе и отправились за десертом в Британию, добывать тамошних галлов, которые в римских анналах значатся кельтами. И до ирландцев добрались, всем смолчавшим хватило впоследствии собственного горя. Многие галлы вернулись на восток; в частности, бои основали Богемию, а другая их часть ушла на Буковину – отсюда украинские бойки. На Британских островах остались бритты – наследники британских галлов, но и там ещё немало предстояло борьбы. Остальные уже были населением, но не государством. Римский сенат обвинил Цезаря в геноциде, но хлынувший на Рим поток галльского золота закрыл все рты.

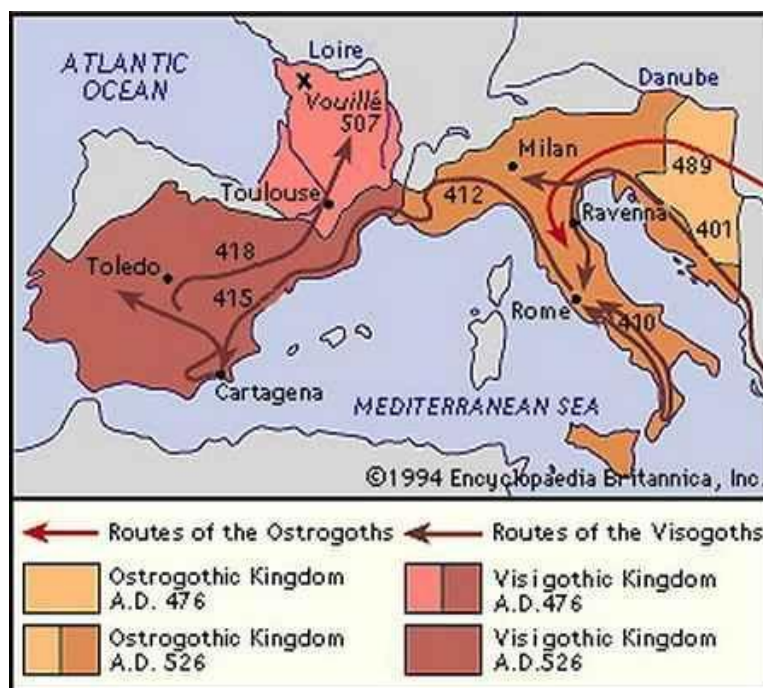
Рим сполна получил за свою победу. Выдав из Рима расенов, поглотив микенскую и уничтожив галльскую цивилизации, Рим остался без конкурентов – то есть, при отсутствии собственной цели, без стимула к развитию, но при больших деньгах, и «разжирел» до того, что жители собственно Рима могли себе позволить не работать – хлеб, вино и зрелища были бесплатны. Деградация внизу общества, коррупция, клановость и недобросовестная конкуренция в верхах съедали Рим изнутри. А когда в 4 веке н.э. распущенность и бесцельность знати довели Рим до бунтов, император Константин Великий стал заигрывать с «христианами» – тоталитарной силой, способной поддержать его власть. Чернокоственную толпу христиан ненавидели. Новый бунт вынудил Константина покинуть Рим, ему пришлось строить себе в Византии новую столицу – Константинополь (где тоже кормили бесплатно – не уступать же Риму), создавать там параллельное правительство, и тогда система управления Римской империей раздвоилась. Хуже того, при кончине Константина христиане, уже имевшие к нему вход, объявили, что он в последние дни принял крещение и завещал Рим христианской церкви никейского обряда. Это был слишком очевидный переворот, но христиане не смутились, Европа сразу запыхалась их погромами и расправами не только против нехристиан, но и против всех ветвей христианства и так пылала все века раннего средневековья.

Цивилизованные галлы были барьером между Римом и германцами. А теперь орды готов – отчаянных грабителей – имели прямую цель – Римские провинции и выход к южному морю. Они шаг по шагу отбили у римлян галльские земли, которые ещё со времён галльских побед простирались до самого Рима, и над Римом нависла гораздо более серьёзная угроза. Римляне ещё пытались как-то договориться, откупиться, но готы жили разбоем и набеги совершались чаще, чем Рим успевал прийти в себя. Готы распространились по всему югу, разбоем заняли Крым и основали там своё государство-террорист, но хунну вытеснили их.

MAP 7.2 Barbarian Migration and Invasion Routes.

Перемещение **готов** в 5 веке. На этой карте подробнее о последовательности бесчинств визиготов в Европе

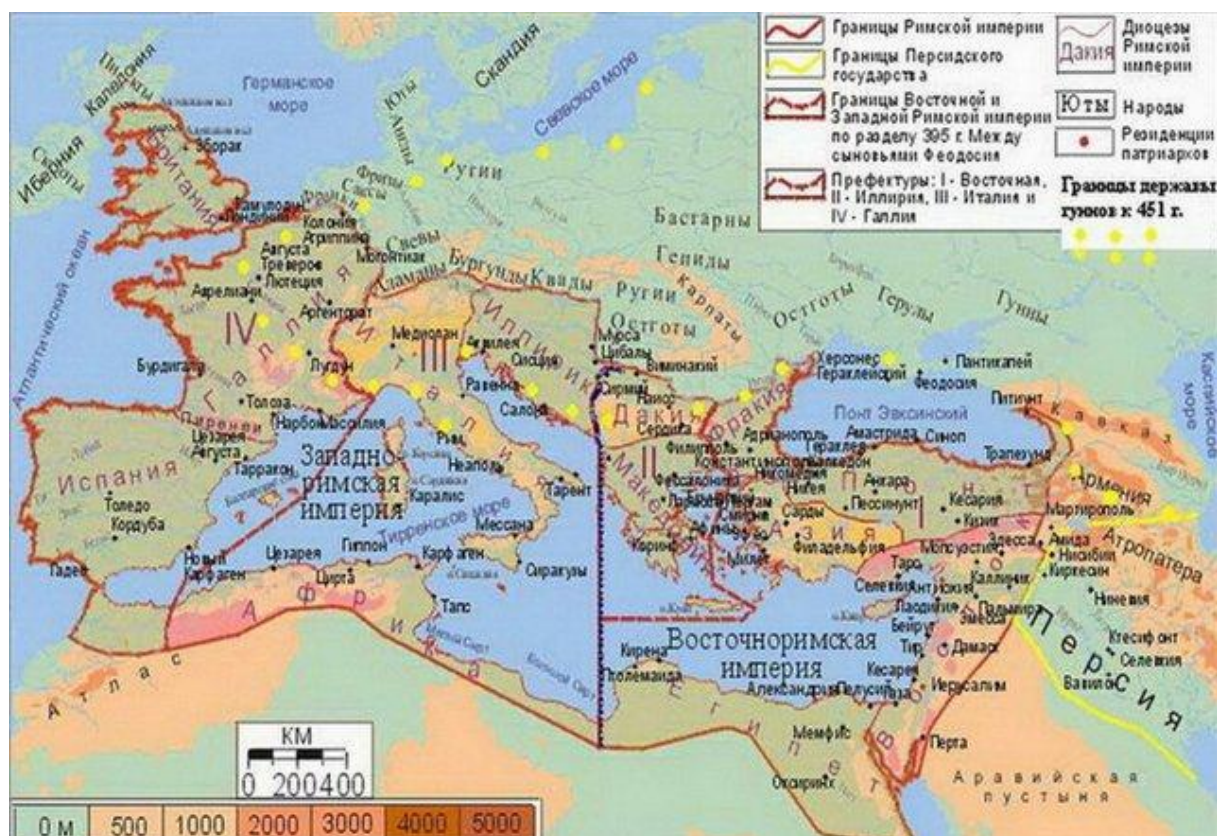

Образование готами королевств Остроготов и Визиготов. Изгнанные из Причерноморья готы резко разошлись в политической позиции. Одни утверждали, что если их король из рода Флавиев, они должны быть верны Риму, другие помнили клятву уничтожить Рим, которая три века скрепляла и вела готов. Народ разделился, первые образовали царство визиготов, вторые – остроготов, которых европейская литература, не вникая в различия, окрестила вестготами и остготами. Для готов на Каталаунском поле сошлись две национальных идеологии: сторонники вечных ценностей шли с Аттилой, живущие «здесь и сейчас» – с Аэцием

Изгнанные из Крыма и всё потерявшие готы бежали под защиту того же Рима и получили разрешение императора Валентиниана селиться на римских границах на общих основаниях, то есть разоружившись. Но римские чиновники решили нагреть руки на их несчастье, они за хлеб скупили у готов все ценности, рабов и наконец стали требовать в рабство их жён и детей, а готских князей заманили на пир и убили. Спасся один князь Фритигерн, под руководством которого готы поклялись страшно отомстить Риму. Они перебили небольшие отряды римлян, захватили их оружие, а встретив армию самого императора, разгромили её, убили императора и прошли по Римской империи огнём и мечом. И отступили, удовлетвоствовавшись тем, что римляне больше не посмеют их обижать.

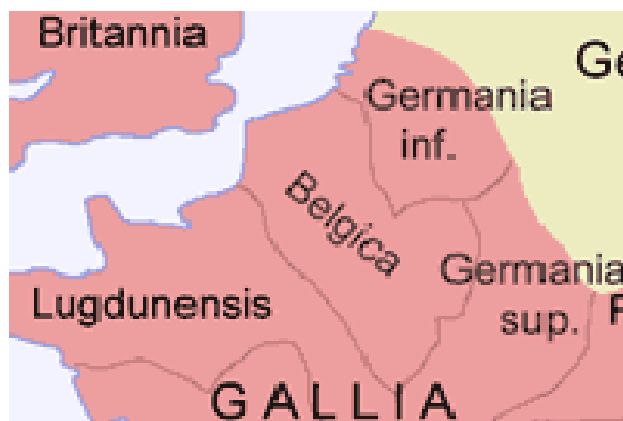
Новый император Феодосий рассудил так: империя не может бесконечно противостоять волнам нашествий с северо-востока, в то же время она остро нуждается в скрепляющем элементе внутри страны и в надёжной охране границ, – и предложил готам земли Южной Паннонии (Венгрии), Дакии и Фракии и равноправное положение в империи, без различия наций и религий, разрешил смешанные с римлянами браки. Готы сполна использовали данную им возможность, стали высшими военачальниками и придворными, обеспечили Риму много побед, много переняли у ромеев и греков, много на них повлияли. Но они были связаны между собой секретной присягой – сделать всё, чтобы завладеть страной, – волки были допущены в овечьё стадо на правах сторожевых псов. Попытки германских государственных переворотов и завоевания Западной империи продолжались в течение всего 5 века.

Интересно, что одной рукой вводя такую веротерпимость, другой рукой тот же Феодосий, крестившись, запретил все иные религии и течения, превратив таким образом христианство (именно и только никейского обряда) из веры и вопроса совести в монопольную государственную религию – идеологический инструмент, обслуживающий государство. Христиан было в империи подавляющее меньшинство, и сколько среди них было христиан иных течений? Все они были лишены возможности молиться по-своему и, конечно, оскорблены. На таком фоне Феодосий завещал при своей кончине империю двум сыновьям: Восточную – 18-летнему Аркадию, и Западную – 11-летнему Гонорию – что, наверное, по замыслу Феодосия должно было послужить возобновлению единства империи.

Раздел Римской империи в 395 году

Юноши не правили сами, а положились на своих наставников-интриганов. Наставник Аркадия подговорил готского князя Алариха захватить Западную империю и готы возобновили свои набеги, нанося римлянам страшные потери. Аркадий спокойно взирал на это, трусишка Гонорий заботился только о собственной безопасности, язычники ждали от язычников готов возвращения своих храмов, и так крушение империи стало вопросом времени и обстоятельств. Его задержало нападение хунну.

Монета Атилы с его портретом моей работы. Родословие Атилы (399/406–453, правил с 40 лет, я вёл и воспитывал его) в ближайших поколениях: Улдин, потомок Нимрода, родил Харатона (правил в 410-х годах); Харатон родил Модзэ и Ругилу (правил в 420-х, скончался в 434). Модзе родил Блэду и Аттилу и погиб в междоусобице, когда Аттила был ребёнком. Аттилу и его брата Блэду воспитал брат отца Рухилэ, Ругила, Руа (правил в 410–434), в честь которого назван Руан. Они вывели хунну в первый ряд и подготовили триумф Атилы. Октар был не братом, но доверенным человеком Ругилы. Справа Галлия

времен римского владычества. Искореня всё кельтское, римляне назвали галльские провинции именами коренастых черноволосых племён, которые здесь жили до галлов

Поправив, сколь возможно, дела Меотиды, хунну поспешили к Киеву. Здесь устроили переправу и оставили гарнизон для строительства нового Киева. Быстрая переправа через Днепр обеспечила внезапность появления хунну в Европе и позволила взять практически без крови Европу – колониальную базу Западной Римской империи. Теперь Европа питала не Рим, но империю хунну. Той же цели служил поход в Сирию. В Византии любили воевать хитростью и подкупом и отсрочили приход войны в их землю, откупившись богатой данью – 350 литр³ золота ежегодно за взаимный нейтралитет. Сумма ничтожная, но это было выгодно обеим сторонам, дабы Восточный и Западный Рим не объединились против хунну, и дань была принята. Однако никто не питал иллюзий о цели Атиллы. Целью был Рим – главная ставка Аану, средоточие мирового зла. И Рим не ждал, пока все козыри выпадут из рук. Византия не соблюдала нейтралитет, из-за чего вышел конфликт с вождём хунну Ругилой, и в 433 Ругила был отравлен.

Бледа был старшим братом и наследником, но Атила несомненно был лидером из лидеров. Бледа не справлялся и не желал ни уступить, ни разделить власть, отношения накалялись и вылились в конфликт. Бледа решил бесчестно избавиться от соперника, но судьба оказалась более милостива к Атилле и погиб Бледа. Власть перешла к Атилле (434).

Атила удвоил дань Византии и наложил дополнительные условия. Совершил бросок на Франкию и встретил сопротивление. Бургундия была разгромлена в 437-м. В 441-м, когда Византия была напряжена войной с вандалами на Сицилии и одновременным нападением персов в Малой Азии, епископ города Марг под шумок разграбил хуннские захоронения, и Атила не простил. В 442-м византийская Иллирика (Сербия) была разорена. При этом византийцы увидели в Наиссе (Нише), как воюют хунну. Был построен мост, подогнаны штурмовые башни. На город обрушился ливень метательных снарядов и зажигательных дротиков, причём хунну были защищены башнями и обходились почти без потерь. Затем в ход пошли тараны и составные лестницы, и византийцы со всей укреплённостью их городов оказались беспомощны. Марг и Сингидун (Белград) были взяты с лёта. Наказанием за разорение могил стал запрет копать землю, включая сельскохозяйственные работы.

Император Феодосий Младший не принял условий мира. Византия выплатила тяжёлую дань – две тонны золота и запрет заниматься сельским хозяйством, а также выдала перебежчиков. Так Византия избежала военного разорения – не вполне молча, она предприняла покушение на Атиллу.

Флавий Аэций, сын скифского аристократа и римлянки, телохранитель императора, был заложником мира у Алариха, князя остготов, затем у хунну. Человек редкостного ума,

³ 1 византийская литра равна римскому фунту, то есть около 330 г; 350 литр = 115,5 кг

энергии и воинского мастерства, искушённый политик. Поднялся до высших должностей Рима. При Феодосии был в заточении, дабы не составил слабому конкуренции. Выпущен как знаток армии хунну, чтобы победить их

В 350 Феодосий Младший упал с лошади и скончался. Его преемник Маркиан добился пересмотра удушающих условий. Атила должен был на это пойти, поскольку отношения с Западным Римом натянулись предельно. В Риме был возвращён из опалы Флавий Аэций, двадцать лет проведший среди хунну как заложник и знавший о них всё. Умудрённый наследник династии Флавиев, отставленный переворотом, он не оставлял мысли о реванше. Он принялся за оборону от хунну со знанием дела и с пониманием, что борется ни больше ни меньше как за собственное императорство. Наследником Аэция был его сын Валентиниан, плеябой; дочь Аэция, Гонория, решила сыграть свою игру и попросила у Атилы поддержки против брата.

Произошедшее дальше являет собой ещё более яркий образец тенденциозной и одновременно профанной литературы, чем предшествующие источники. Источников много, но ни один не даёт конкретного описания событий, подменяя его эмоциональной раскраской и личными оценками. Так (начиная издалека), историю с сыноубийством Туман – Модзе и с отцеубийством Модзе – Туман придумал Аану, и почвы у этой выдумки не было. Равно, ссоры между усунями, юэчжи, сяньби, хунну придумал Аану, и почвы не было. «Около 177 года до н. э. сюнну во главе с [Модэ](#) вторглись в земли юэчжи в Ганьсу. По завоевании Модэ направляет послание к ханьскому двору о том, что его сын убил царя юэчжи и сделал чашу для питья из его черепа. По китайским источникам значительная часть юэчжи попала в зависимость от сюнну» – придумано для тех, кто не станет вчитываться в первоисточники, если вообще будет ими располагать. Аану писал для своих подданных и для далёкого будущего и мог себе позволить оперировать идеологическими образами, понятными первым и не смущающими вторых, уже лишённых правдивой информации. Что же до чаши из черепа, этот противоестественный обычай был введён Аану в рамках культа смерти на захваченных им землях, где ему не могли противоречить. Такие художественно выделанные черепа, древние или новосделанные, фигурируют в интернете, но эти шокирующие вещи были невозможны у нас.

Аналогично с Атиллой. Он действительно вёл свой род от легендарного ханаанского богатыря Нимрода и знал своё родословие.

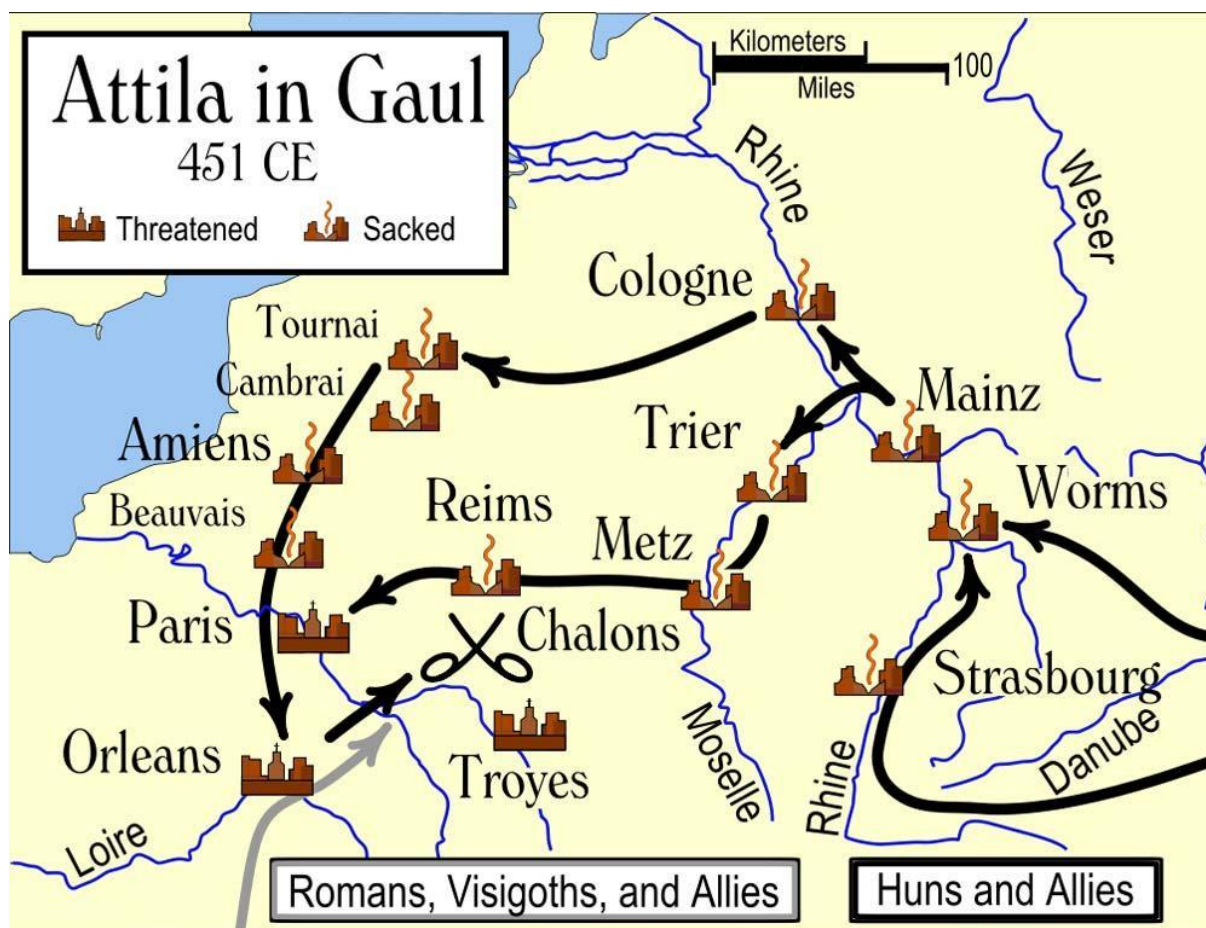
Затем, на многих картах можно видеть родину бургундов восточнее Одера, хотя бургунды – скандинавский народ, побывавший за Одером при переселении в Галлию.

Википедия пишет, что хунну состояли на службе у Рима как наёмная армия, чего никогда не было и принципиально быть не могло, слишком велик был счёт между этими государствами. Соответственно, Риму было бы выгодно, если бы хунну разбили бургундов, но от желаемого до действительного есть некоторое расстояние – хунну не били бургундов.

Касательно того, что «[король вандалов Гейзерих натравил подкупом Атилу на королевство вестготов, потому что дочь короля вестготов Теодориха пыталась отравить своего мужа Гунериха, сына и наследника Гейзериха](#)»⁴, – Атила был не того ранга человек, чтобы кто-либо им манипулировал или покупал, и Атилу не нужно было стравливать с визиготами, у него был с ними свой счёт за Крым и Меотиду, не окупаемый деньгами.

В целом же, страшные хунну были разорителями не Европы, а монастырей и храмов никейского толка, в которых под показным благочестием скрывалась организованная преступность и распространялась при неспособности Европы противостоять. Ни города, ни население не страдали от хунну и не сопротивлялись оккупации, видя гуманное цивилизованное отношение к людям – но не было пощады монахам Аану.

⁴ Э. Кризи. Великие сражения античного мира. Глава 6. [Шалонское сражение](#) (битва на Каталаунских полях) (451 г.). Мимоходом, тоже по Кризи: Теодорих был сыном Алариха, покорителя Рима в 390 году, этим он был важен для Аану и тот его повёл, принудив отступить от курса отца и занять проримскую позицию.

Поход Атиллы в [Галлию](#) в 451 году

Далее, заговор Гонории расценивают как её сватовство, а отклик Атиллы как эмоциональный порыв. Авторы античных источников прекрасно понимали, что оба руководствовались политическим расчётом и сходились в точке кратковременного совпадения интересов, имея полную взаимность лишь в намерении затем избавиться друг от друга. Атила счёл выгодным через заговор изнутри Рима получить Рим готовым, без войны, и согласился. Заговор был раскрыт, Гонория сослана и Аттиле ничего не оставалось как форсировать события, то есть срочно заканчивать покорение Европы, дабы Рим остался без опоры. Ввязываться в войну с Византией было ввиду этих обстоятельств не с руки, а воевать с самим Римом рано, он был ещё слишком силен.

Весной 451-го Атила совершил бросок на Галлию и в обычной для хунну манере молниеносной войны. К июню Галлия была почти взята. Кроме помощи братьям галлам, была ещё память о том, что Орлеан (в тот момент Аврелиан) построил я, а Аану его отнял; настал час реванша. Но к Орлеану в тот момент, когда стены уже были пробиты, подоспели две армии – римляне во главе с Флавием Аэцием и визиготы с Флавием Теодорихом. Силы собственно римлян уступали силам Атиллы, но соединённые силы значительно его превосходили. Уйти без боя значило признать поражение. На Каталаунских высотах под Орлеаном в 150 км восточнее Парижа произошла битва, о которой известно из римских источников как о Битве народов. Она длилась семь дней, в ней участвовало 400 или 500 000 человек.

Здесь тоже не без передёргивания: «[Вместе с римлянами против гуннов выступили многие варварские народы: готы, франки, аланы, вестготы, бургунды и другие](#)». Аланы бились против Рима, бургунды были, по словам античных источников, покорены хуннами и не могли выступать против хунну, вестготы (визиготы) и были готами.

Опять-таки, королём визиготов был не Теодорид и не другие встречающиеся вариации, а Теодорих. Сторону остроготов возглавляли три брата Велимир, Теодемир и Ведимир, не имеющие отношения к роду Амалов, к которому их причислили римляне. Остальная же часть вождей в стане Аттилы не «ожидала, подобно сателлитам, кивка Аттилы», как пишет Иордан (Гетика, 187-218), а безраздельно полагалась на военный опыт и гений Аттилы.

[Битва народов](#) в небе над Шампанью – «Битва гуннов с римлянами». Фреска худ. Каульбаха (1834—1837 гг., Новый музей в Берлине) по мотивам легенды Дамаския

Римляне живописуют свою победу и это неправда. У хунну было меньше воинов, но их мастерство было намного выше и желание победы сильнее. У визиготов случился дома переворот и погиб король, три брата, три князя, возглавляющих войско, поспешили домой делить трон. Возможно, они использовали свои события как предлог, обиженные на то, что Флавий Аэций предоставил им губить людей на самых кровавых участках битвы. Семь дней ни одна из сторон не могла взять верх. Когда погибло 165 000 человек, Аттила, щадя людей, отступил с тем, чтобы через год разгромить врага окончательно и не такими потерями. Решение принял я, поскольку люди рубились безумно, опьянённые гипнозом, шедшим от Аану, и потому не могли ни победить, ни остановиться. Аану своим универсальным средством помогал Аэцию максимально погубить сильнейшие армии Европы и сберечь армию Рима, тогда автоматически победит Рим. И упрочит свои всё более шатающиеся позиции в Европе.

Разошлись между собой и франки, у которых решалось, кому быть следующим королём. Сторонники одного претендента обратились за помощью к Риму, другие искали содействия у хунну. Ещё в небольших чинах, в этой битве участвовал молодой Меровея, будущий основатель династии Меровингов, сыгравшей роковую роль в истории Европы. Все франки выступили на стороне Рима, но между ними не было единства.

Исход битвы был ясен до её начала и несомненно ясен к исходу первого дня, однако на второй день ожесточённо бились ещё и бесполезно было останавливать. Дальше же, по Дамаскию, произошло то, что заставило остановиться всех. Духи погибших продолжали биться ещё три дня и три ночи и живые видели их и слышали звон оружия. Полководцы распорядились о погребении павших и увели армии. Разные авторы называют численность армии Аттилы от 500 до 700 тысяч человек; на самом деле их было меньше, но сражались они за все 700; и полагают число погибших от 165 до 400 тысяч; последняя цифра – явное преувеличение.

Хунну [в Италии](#)

Рим знал, дело отложено на год и через год у Аттилы будут силы для победы. За этот год римляне многое предприняли и unsuccessfully. Тогда отравили источник, в котором армия хунну брала воду. Выжили, у них были сильные знахари.

Летом 452 настало время окончательного расчёта с Римом. Аттила пошёл на Италию, занял Венецию и взял штурмом Аквилею. Занял Медиолан (Милан) и Тицинум (Павию) – и вдруг ушёл из-под Рима после встречи с папой Львом. Ушёл, уже победив Рим, Западная империя фактически больше не существовала. Дело было потрясающе просто. Аттила вошёл ко Льву, я с ним – к Аану. Аану мне сказал, что если я не уведу Хунну от Рима, он введёт свою армию в гипноз маниакального, неустрашимого боя, а мою парализует и её просто вырежут, как вырежут и всю мою семью. Этого опыта у меня был избыток. После этого аргумента все преимущества Аттилы перестали что-либо значить. Нам следовало найти иной путь, без генеральной битвы. Такой путь был: оккупировать все опорные земли Аану, чтобы у того не осталось ничего кроме собственно Рима, и тогда Рим падёт сам и гипноз не поможет.

Этим Аттила и занялся в 453 году, добирая Галлию. Но неверно пишут римляне, что это был поход против галльских аланов, по своему обычаю ссоря народы хотя бы задним числом – в Галлии не было переселенцев-аланов. Аттиле нужно было занять все уголки Западной Европы и последним аккордом взять визиготов. Никто не знал причины, почему вдруг люди Аттилы почувствовали себя подавленными и принуждены были мимо своей воли вернуться в свой стан в Паннонии. Только я понимал, что это магия, но не мог ни объяснить, ни остановить. У меня не было противоядия. В этот год все военачальники хунну чувствовали себя дурно, и очень страдал я сам. Там, в Паннонии, по римской версии, очередная невеста зарезала Аттилу, обезглавив всё движение, всё дело хунну. На самом деле женщина подошла

на улице и ударила ножом, остальное расписали римляне. У Рима была большая практика таких побед, но и зная это, честные гунны не всё сумели предусмотреть – Аттила ходил открыто и был доступен людям. Следствия не было: её убили на месте.

Затем среди 70 детей Аттилы таким же магическим образом подняли свару о престоле и разменяли великое наследие, Дзен-Мете распалась, никому не доставшись. Следующую битву, при Недао (река Недава в Паннонии) в 454-м, хунну проиграли из-за подавленности. 15 лет стояли в Паннонии и не понимали, кто великий князь и что делать дальше, знали только, что они опора кому-то, кто доведёт до результата начатое ими дело. В 469 году полководцы повели армию на Балканы с тем, чтобы восстановить легендарные Дельфы. Пришли, постояли и ушли по причинам, которых сами не могли понять. Но понял я: поход окончен.

[Одоакр](#) (433–493) – покоритель Италии и [Теодорих](#) Великий (451–526) – он был Флавий, потомок одной из недавних римских императорских династий, потерявших трон, но оставшихся могущественной семьёй, потому-то при нём и пошёл откат к римским порядкам

Новым двигателем стали остроготы, давно и прочно вошедшие в Рим, они по своим историческим причинам были готовы и теперь должны были взять Рим изнутри. Готы служили Риму как наёмники и кроме того, личная дворцовая охрана была набрана из них, то есть они держали руку на пульсе, чтобы не сказать на горле императорской семьи.

В следующие 20 лет (455–475) на римском троне сменилось 9 императоров, которых готы ставили и сбрасывали по своему усмотрению, так слаба уже была власть. Собственно, они давно могли бы взять эту власть, но ни один из лидеров не чувствовал себя готовым взять на себя ответственность за империю. Готы были генетически военными людьми, не политиками. Но в чехарде императоров была для меня своя выгода. Хунну стоят и стоят, к ним все привыкли. Аану успокоился и ослабил внимание. Люди вышли из гипноза и продолжают стоять в Паннонии.

В 476 году мне удалось ввести в дворцовую охрану своего человека, хунну Эдику. Все знали, что он хунну, но он был профессионал высшей пробы. Готы легко совершили военный переворот, что уже не было ни для кого неожиданностью. Власть, однако, взял Эдика. В духе привычных уже Риму переворотов, Эдика объявил себя императором, а своего сына Одоакра (433–493) – наследником, и сразу передал ему власть.

Я вёл Эдику и Одоакра и это был мой переворот. Дворцовая охрана стала военачальниками. Готы получили то, к чему стремились триста лет – месть Риму и

полноправное положение уже не чужаков, но таких же, как ромеи, землевладельцев. Теперь они могли занимать почётные должности и получать привилегии. На троне, однако, оказался человек, с которым мне было удобно развязать сложный политический узел ко всеобщей пользе. Взяв власть в Риме, Одоакр за 15 лет подчинил себе всю Италию и сомкнул её земли с землями визиготов. Он договорился со всеми, свёл все интересы, осуществил реформы, сменил администрацию, руками остроготов разрушил все храмы никейского (будущего католического) толка – храмы Аану, – не тронув, однако, манихейские храмы – храмы Света. Понятно, как это представили римские хроники: «[Григорий Турский](#) сообщил об этом так: «Они предали город огню, убивали народ остриём меча, а самих служителей господних умерщвляли перед священными алтарями. Во всём городе не осталось ни одного неповреждённого места, кроме часовни блаженного Стефана». Сохранившиеся хроники не вдаются в подробности событий в Галлии. Разорение Аттилой Галлии можно проследить по житиям святых, чьи деяния были отмечены в церковных документах. В Реймсе замучен епископ Никасий, был разрушен Тонгерен, в Кёльне погибла Св. Урсула. Согласно *Gesta Treverorum*, был разграблен Трир. Незначительный в ту пору Париж (*Lutetia Parisiorum*) уцелел, гунны прошли мимо». Так, словно хунну вдруг налетели на невинных и ни за что ни про что... За очень многое «что», опускаемое церковью. Как видим, уничтожались служители церкви, «сожжён город» подразумевает «сожжён монастырь», урон гражданским зданиям и населению не упоминается – а упомянули бы всенепременнейше – потому что урона не было, людей не обижали, ещё не окатоличенная Лютеция не пострадала. Ну, а «святую» Урсулу вела Фрейя, расправа с такой «святой» не нуждается в комментариях.

Одоакр собрал конгресс всех готов – остро-, к которым принадлежали его люди, и западных визи-, объединительный конгресс, завершающий войну равноправным объединением двух готских государств и Римской империи под рукой Одоакра. Таким образом я нейтрализовал обе угрозы миру. Когда конгрессом были приняты решения, король визиготов Теодорих пригласил всех с семьями в свою ставку на пир. Теодориха и всех князей визиготов вёл Аану. Он подошёл к Одоакру сзади и рассёк его, сидящего за столом, мечом от плеча до бедра, а семью увели в темницу, где те вскоре скончались от голода. Во всех анналах записали конечно не это, но что Теодорих собрал земли Италии и двух готских государств и подарил Европе мир, за что был возведён в римские императоры и прозван Великим.

Ради подстраховки от такой ситуации и стояли вокруг хунну, готовые к сече. А Одоакр погиб внезапно и нелепо и никто ничего не смог поделать. Аану торжествовал очередной триумф. Он вернул себе Рим и все свои прежние порядки, ещё и ужесточил их. По крайней мере на тысячу лет в Европе установился культ смерти – христианский террор со спекуляцией именем Иисуса, с религиозными войнами и гонениями на праведников и мыслителей, с крестовыми походами и безумной сварой, в которую их превратили монахи. Тысяча лет мракобесия и селекции на покорность.

Не имеющие более своей земли хунну рассеялись на малые народы, расселились по всей Западной и в основном Восточной Европе и далее до Ферганы. Потому и пишут историки, что славяне пришли на нынешние земли из Прикарпатья, от истоков Вислы, что шли домой они оттуда, не спеша в 6-7-8 веках и «растворяясь» по пути. Потому и читаем, что «[гунны – местное славянское население Приднепровья. Сторонники этой версии в меньшинстве, но они приводят в её подтверждение письменные свидетельства, материалы археологии, этнографии, лингвистики, фольклора... Название «гунны» имеет полиэтнический характер...](#)»⁵.

Слово Хунну исчезло из обихода и литературы. Они пришли со славой свои к своим и Восточная Европа стала им новой родиной. В европейской части современной России появилось слово Славы. Тот же народ на новом витке успеха, неудачи и на старте нового подъёма. История славянства – это их история, обычаи – их обычаи; здесь были такие же от скифов, но замутнены были расколами скифских народов, привнесёнными скифам самым стандартным для Аану и Фрейи с Аусейей образом. Возобновилось чистое и пошло набирать

⁵ Г.К. Василенко. Велика Скіфія. Знання. 1991, 48 с.

обороты развития. Неспешно. Ни о чём они так не мечтали после тысяч лет войны, как о мире, о простой спокойной жизни мастеровых и торговых людей, о воле. И наслаждались этим. И что я мог сказать настрадавшимся людям? Трясти их, что вот они скоро снова придут по вашу душу? Я знал, что придут. Да пусть уже люди хоть поживут беспечально.

Они пришли. Пошли смуты между князьями, пошло христианское насаждение и кровопролитие. История старается опустить, в каких битвах своих со своими, отуманенных, Славия стала Русью, как страшно было насаждено христианство на Руси. Мало где и только в последнее время Вы прочтёте о полутора веках войны княжеских дружин против мирного населения за покорность распятию. Ненамного больше слышно о «подвиге» намеренной деградации римских монахов Кирилла и Мефодия, отменивших праславянскую глаголицу и с ней огромные библиотеки высокоразвитой литературы, в том числе математический и астрономической, и о легендарном «подвиге» Нестора Летописца (Аану), переписавшего летописи славов так, что история началась от его времени – и библиотеки полетели в костёр. Славов просто обнулили, поработили церковью и междоусобными войнами, лишили национальной культуры. Даже не урезали, а лишили. И дальше вся история Руси – это усобицы, войны и пожары. Неудивительно, ведь часть князей вёл я, а другую часть – Аану, а «святую» Ольгу – Фрейя. Отсюда и вышло, что свара и смута, смута и свара.

Исторические места хунну на востоке не остались пустовать. Местные хунну, такие же степняки, как прежде, так же сварились из ничего и по тем же убогим магическим причинам, что и на Руси, именуемым «феодальной разобщённостью», пока один из них, Тенгиз, Чингиз, потомок Аттилы не поднялся, чтобы объединить раздробившийся попусту народ и предпринять со мной очередную попытку восстановить Ориану. То была моя с ним очередная попытка восстановить Ориану. Чингиз отправлял послов ко всем орийским князьям с приглашением вернуться к старым добрым законам и традициям. Эти законы многие помнили и встречали новый проект распаханной душой. Этим, а не жестокостью завоеваний, объясняется фантастически быстрое расширение нового государства, Орды, – слово означает порядок. Все, кто что-либо помнил о счастливых веках Орианы, встречали нас радостью, и вскоре Орда занимала половину Азии. Соппротивление, причём нарочито оскорбительное, а не нейтральное возражение оказывали страны разухабистых князей, ведомых Аану. Если народ это поддерживал и выходил на бой, монголы его считали предателем, недостойным своей родины, и там уже действовала тактика выжженной земли. Именно так пострадали русские северные княжества, вышедшие воевать не объединённой силой, а каждый за себя, они и были разбиты и сожжены. Именно так, не от жестокости монголов, а от подлости собственных князей, предателей в самом полном смысле слова был выжжен Киев.

Монголы намеревались напоить коней из Атлантики, но миниатюрная, не по их масштабам Европа оказалась не в состоянии прокормить столько людей и скота, и пришлось отступить. Всё остальное стало не Орианой, Ордой – конфедерацией прежних княжеств. И Московия на века стала Московским каганатом. И в Куликовской битве сражались вовсе не за свободу от ига, а против самозванца Мамай, выхватившего власть у хана Тохтамыш, и даже это оставили бы им на внутреннюю разборку, когда бы Мамай не возжелал сменить русских князей своими людьми и превратить Русь в страну Мамайю. Победив, послали посольство к Тохтамышу с изъявлением верности, и ещё век были в Орде, пока Орда не распалась в усобицах так же, как деструктивные боги ссорили князей всюду.

Но прежде, чем пала Орда, был в 13 веке эпизод, требующий отдельного упоминания. Через пару поколений после Чингиза Аану перехватил власть в Орде и я больше не мог участвовать в этом проекте – Ориана из объединённых земель уже получить не могла. А Веракочу участвовал, как всегда, по приказу – с Аану лучше не спорить. Веракочу как хан Хулагу шёл югом, где я вёл арабских астрономов, и лучшим из них в то время был великий ат-Туси. Как рассказать, какой радостной была наша встреча в 1258 году и как легко мы договорились, что можем сделать вместе там, где у нас есть почва. Веракочу покорствовал отцу, а насколько мог у него за спиной, настолько делал незаменимые вещи. И здесь мы договорились о двух положениях. Во-первых, о бескровной сдаче Багдада, потому что

ворвутся войска в город дома Мудрости, сожгут библиотеку, разгромят наше общее детище – этого мы не могли допустить. Ведь красавец город строили мы с ним вместе, дома Мудрости – мы вместе и эти книги писали и библиотеку собирали вместе, и организовывали ислам вместе. Как нам было всё это не спасти? И во-вторых, Веракочу выделил огромные средства на строительство лучшей в мире обсерватории и нового научного центра при ней в Мараге.

Эту-то нашу счастливую встречу султан Багдада и истолковал как предательство ат-Туси и вопреки данному мною слову и невероятным усилиям убедить и остановить его, выдвинул армию навстречу Хулагу и дал бессмысленный бой. Его армия была конечно сметена, а монголы, оскорблённые нарушенным словом, ворвавшись в город, предали его огню и мечу и библиотеку пустили по реке. Веракочу ничего не мог поделать – султан нарушил договор. Но деньги на Марагинскую обсерваторию – уж не знаю как, но выкроил, и она долго была лучшей и дала результаты, славные и сегодня. Пока Аану не вставил в неё своего человека... но это уже о другом.